

An impressionist painting of a crowd of people, rendered with thick, visible brushstrokes. The color palette is dominated by various shades of green, with accents of red, pink, blue, and purple. The figures are somewhat indistinct, blending into the overall texture of the scene.

Актуальность этой истории
со временем будет только возрастать

Джоди Пиколт

ТОЛПА

Где кончается твоя свобода,
когда речь идет о чьей-то жизни?

ЭМИЛИ ЭДВАРДС

Эмили Эдвардс

Толпа

Издательство «Синдбад»

2022

Эдвардс Э.

Толпа / Э. Эдвардс — Издательство «Синдбад», 2022

ISBN 978-5-00131-561-2

Элизабет – предельно собранная и организованная. Брайони – рассеянная и творческая. Они разные, как день и ночь, но, тем не менее, становятся лучшими подругами. Объединяет их то, что семья для каждой представляет огромную ценность. Безопасность и здоровье детей превыше всего. Однако, сами того не зная, они радикально расходятся во мнениях по одному очень важному вопросу. Прививки – делать или нет? А что, если принятое решение станет ошибкой и навредит вашему ребенку? Опасаясь осуждения подруги, Брайони скрывает от нее некоторые обстоятельства, надеясь... нет, будучи уверенной, что ничего страшного не произойдет. Но выходит иначе, и то, что, казалось невинной ложью, приводит к катастрофе. Эмили Эдвардс, получив образование в Эдинбургском университете, Эмили Эдвардс работала в аналитическом центре в Нью-Йорке, а затем вернулась в Лондон, где устроилась в крупную благотворительную организацию, поддерживающую женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Сейчас она живет в городе Льюис (Восточный Сассекс), со своим невероятно терпеливым мужем и двумя невероятно энергичными сыновьями. 5 причин купить книгу Эмили Эдвардс «Толпа»: 1. В центре романа – тема вакцинации, которая стала для многих из нас болезненной. Эмили Эдвардс приводит разные точки зрения тех, кто выступает «за» и «против» вакцинации, показывает, какие страхи лежат на самом деле за нежеланием вакцинироваться и пытается раскрыть остросоциальную проблему со всех сторон. 2. Автор дает понять читателю, что с темой вакцинации тесно связаны темы свободы выбора и ответственности за этот выбор: перед собой, своими детьми, близкими, друзьями, знакомыми, перед обществом. 3. В романе поднимается тема материнства, даже скорее родительства. Она особенно актуальна в критической и кризисной ситуации. 4. В «Толпе» важна тема чувства вины и его разрушительного влияния на жизнь человека. Возможно, книга поможет читателям преодолеть подобную проблему, простить себя и начать жизнь

заново. 5. Еще одной важной темой романа, о которой говорит Эдвардс, является тема травли в Интернете. Она особенно актуальна в наше время: как легко трагедия превращается в скандал, теряет значение, а ее жертвы обесцениваются. Книга позволяет читателям задуматься над этим и научиться отвечать за последствия своих поступков.

ISBN 978-5-00131-561-2

© Эдвардс Э., 2022

© Издательство «Синдбад», 2022

Содержание

Суд графства Фарли	8
1 июля 2019 года	9
2 июля 2019 года	18
Суд графства Фарли	23
6 июля 2019 года	24
6 июля 2019 года	32
Суд графства Фарли	41
10 июля 2019 года	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эмили Эдвардс

Толпа

Посвящается Джеймсу
Если это не вирус и не бактерии, то дело явно в матери.
Жанна Маламуд Смит¹

Emily Edwards
THE HERD

Copyright © Emily Edwards 2022

Published by arrangement with *Rachel Mills Literary Ltd.* and *Andrew Nurnberg Associates International Ltd.*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2023

Дорогой читатель!

Я хорошо помню тот момент, когда у меня родилась идея для будущего романа «Толпа». Лето 2018 года выдалось жарким и душным, я сидела на фитболе в нашем заросшем саду, раздраженная и раздувшаяся, на девятом месяце беременности первым сыном, и наблюдала за тем, как спорят мой муж Джеймс и наша доула² Софи.

Я настояла на том, чтобы мы выбрали Софи: она была такой матерью, какой я бы сама хотела быть. Сильной, бесстрашной и невероятно доброй. Да, она практиковала альтернативные методы (у нее в саду стояла юрта, где она проводила ритуальные дыхательные сессии), но ее решения были основаны на опыте, а полки ломались от книг о родах и воспитании. Джеймс и Софи спорили, потому что Софи спросила, собираемся ли мы вакцинировать нашего малыша. Если честно, я никогда об этом не думала, но хотела бы услышать мудрое мнение Софи, тогда как Джеймс скривился, словно от ее вопроса дурно пахло.

– Да, будем, мы абсолютно уверены. На сто процентов, – сказал он, даже не глядя в мою сторону.

Софи спокойно улыбнулась ему. Так она улыбалась своим маленьким детям.

– Ты знаешь, Джеймс, что прививочный календарь в Великобритании – один из самых интенсивных в мире? К моменту, когда вашему малышу, – она положила теплую ладонь на мой круглый живот, – будет четыре месяца от роду, ему сделают двадцать четыре прививки. На восьмой неделе его иммунная система будет переполнена алюминием – в двести раз выше рекомендуемой недельной нормы за один укол.

Я почувствовала, как ребенок шевельнулся.

Джеймс вытаращил глаза. Он всего этого не знал, но, будучи историком-любителем, не сдавался:

– И что, мы теперь должны подвергать ребенка риску заразиться дифтерией, полиомиелитом или корью, которые искалечили и убили столько людей из поколения наших бабушек и дедушек?

– Когда ты в последний раз слышал, чтобы кто-нибудь в этой стране заболел полиомиелитом? – спросила Софи, все еще спокойная и улыбающаяся.

² Доула – обученная компаньонка, оказывающая женщине психологическую, физическую и информационную поддержку в течение беременности и родов.

Джеймс едва не заорал:
– Благодаря гребаным вакцинам!

Вот это и был он. Тот самый момент. Я перестала раскачиваться на мяче и прислушиваться к спору. Я оказалась перед ужасным выбором. Станем ли мы рисковать нервной системой ребенка, которая может пострадать из-за всей той химии, что содержится в вакцинах, или будем надеяться, что он не заразится менингитом? На мне лежала ответственность за эту новую маленькую жизнь, но я была беспомощна и не могла ничего решить. Это и был момент, когда родилась идея «Толпы».

До родов мне пришлось ждать еще две недели.

Несколько недель спустя, общаясь с родителями в детских группах и в парках, я начала свое исследование. Мне рассказывали истории о лучших подругах, которые больше не общаются, потому что одна сделала ребенку прививку, а другая не стала. Мне рассказывали о семейных отношениях на грани разрыва. Я разговаривала со своей девяностодвухлетней приятельницей, которая поделилась воспоминаниями о ночи, когда ее сестра умерла от полиомиелита, и с одним отцом, чей годовалый ребенок перестал смотреть людям в глаза через пару недель после прививки КПК³. Я ужинала с людьми, у которых эта тема была под запретом. Для некоторых она слишком болезненна.

Я беседовала с каждым, кто был готов поговорить со мной о прививках. И за всей этой многословной агрессией, за негодованием из-за того, что люди бывают такими невежественными, эгоистичными и тупыми, я увидела ту же самую тихую панику, которую сама испытала жарким днем в нашем саду. Мы все хотим поступить правильно по отношению к тем, кого любим, и жутко боимся сделать что-то не так. Надеюсь, у меня получилось передать это чувство в своем романе.

Время, когда я начала писать, было исключительным. Львиную долю я написала во время первой самоизоляции. Мне еще не приходилось жить в такое время, когда личный выбор настолько сильно, прямо и катастрофически влиял бы на жизнь других людей. Я очень многому научилась, изучая эти проблемы в теории и одновременно наблюдая их на практике в масштабах всего мира.

Огромное спасибо тебе за то, что ты читаешь книги и делаешь их частью жизни других людей, особенно сейчас, когда мы нуждаемся в этом больше, чем когда-либо. Я очень надеюсь, что тебе понравится читать этот роман так же, как и мне понравилось его писать.

*С благодарностью,
Эмили Льюис,
Англия
июнь 2021 года*

³ КПК – прививка от кори, паротита и краснухи.

Суд графства Фарли Декабрь 2019 года

Они прибывают в суд по отдельности. Сначала Брай, заранее, вероятно, чтобы избежать наплыва демонстрантов снаружи. Ее запавшие темные глаза смотрят прямо перед собой, голова опущена словно в молитве. Эли убирает руку с ее плеча, и она съезживается на своем месте, прямо напротив судьи.

Последний раз я видела Брай и Элизабет несколько месяцев назад, на печально известном празднике. Я помню, как смотрела на них и испытывала – как и всегда, когда речь шла об этих двоих, – приступ зависти, как будто какой-то рыболовный крючок засел у меня в животе и тянул вверх. Дело не в том, что они говорили или как себя вели. Как раз наоборот: в том, что им ничего не нужно было говорить. В отношениях между ними царило спокойствие, абсолютная уверенность друг в друге. Их дружба словно делала их неуязвимыми. Я никогда такого ни у кого не видела.

Проходит несколько минут, прежде чем двери снова открываются. Все присутствующие оживляются, вытягивают шеи, когда в большой торжественный зал входит Элизабет. В нескольких шагах за ней следует Джек. Она оглядывает помещение, высматривая, кто пришел их поддержать. Кивает паре знакомых. На мгновение ее взгляд останавливается на Брай и Эше. Выражение ее лица не меняется, она продолжает идти. Держится она потрясающе, безмолвно давая всем нам понять, что она безупречна, бесстрашна. Она занимает свое место на противоположной стороне от Брай. Солиситор⁴ наклоняется к ней и что-то шепчет. Элизабет кивает, ее лицо бесстрастно.

Стоящая рядом со мной женщина, которую я несколько раз встречала возле школы, тихо произносит:

– Печально, все это очень печально, не правда ли?

Она вздыхает, заканчивает копаться в своем телефоне, кладет его в карман пальто и снова поворачивается ко мне.

– Если честно, их дружба всегда казалась мне странной. Ну, то есть они же были такие разные.

Я киваю и задаюсь вопросом, чувствует ли она то же, что и я. Словно чего-то не хватает, словно за всеми сплетнями, за всей бессмысленной болтовней о школьных спектаклях и футбольной команде прячется острое желание ощутить единение, побыть вместе. Хочет ли она так же отчаянно, как и я, по-настоящему дружить с другой женщиной и быть для нее важной?

– Я слышала, что вчера один из этих демонстрантов едва не напал на Элизабет.

Голос ее звучит беспечно, в нем пробиваются нотки веселья. Телефон жужжит, и она достает его из кармана. Я снова поворачиваюсь туда, где будет происходить основное действие. И думаю: «Нет, только не она, она этого не чувствует».

Теперь, когда я сижу здесь, я понимаю, как глупо было завидовать Брай и Элизабет, потому что если такова цена настоящей дружбы – этот суд, распавшиеся семьи, разрушенные судьбы, – то оно того не стоит. Может быть, в итоге в выигрыше оказываются женщины, подобные мне. Может быть, дистанция между нами защищает нас, помогает прятать свои раны и страхи, чтобы другие не причинили нам боль. Мы одинокие волчицы, идущие, насколько это возможно, своим путем.

⁴ Солиситор – категория адвокатов в Великобритании и странах Содружества, их обязанности обычно заключаются в подготовке материала, необходимого для выступления в суде адвокату более высокого ранга.

1 июля 2019 года

В этот раз Брай пришла вовремя. Ровно в 15:30 она уже ждет у ворот начальной школы «Неттлстоун», где училась ее крестница. Она на цыпочках вышла с занятия по виньяса-флоу-йоге, не дожидаясь его окончания, и даже не поддавалась соблазну заскочить по дороге в магазин. В голове звучал голос Элизабет: «Прошу тебя, не опаздывай. Клем начинает паниковать, если думает, что про нее забыли». Сказать по правде, приятно приходить пораньше, одной из первых появляться у школьных ворот и просто ждать, подставляя лицо теплему солнцу. Какое облегчение, когда не чувствуешь подступающей паники, когда не нужно бежать. Так вот каково это – быть Элизабет. Подходят другие родители, некоторых Брай встречала в городе, кого-то знает через Элизабет, но не настолько близко, чтобы подойти и поздороваться. Они едва заметно кивают ей и возвращаются к своей беседе. Теперь Брай понимает, насколько эта среда естественна для Элизабет, насколько легко ей участвовать в обсуждении школьных экскурсий или борьбы со вшами.

Внезапно двери школы распахиваются и улица оглашается гомоном: тоненькие голоса детей, смех и визг, а среди этого – более низкие и громкие голоса учителей, предупреждающие: «Не бегайте так быстро!» Рой детей стремительно заполняет игровую площадку и с оглушительным шумом несется к воротам. Брай сразу же замечает Клемми. Ее легко узнать по рыжим волосам, таким же, как у Джека. Сегодня они заплетены в косу, которая мотается из стороны в сторону, как лисий хвост, пока Клемми бежит к Брай. Рюкзак слишком большой и тяжелый для ее шестилетнего тельца, он неуклюже болтается у нее за спиной, не попадая в ритм шагов, но она смеется от радости, так что вокруг голубых глаз и веснушчатого носа собираются морщинки. Клемми смеется не над чем-то конкретным, а от чувства свободы, оттого, что сегодня из школы ее впервые забирает тетя Брай, да и просто потому, что ей нравится бегать. Брай наклоняется, раскрывает объятия и тоже смеется. Клемми мягко врывается в нее с разбегу. Ее волосы пахнут карандашной стружкой и клубничным бальзамом для губ.

– Тетя Брай!

Брай обнимает ее и на секунду зажмуривается. Не успевает она опомниться, как Клемми уже выворачивается из объятий. Ладонкой убирает с лица непослушные пряди и заявляет:

– А мы сегодня пели песню в большом зале.

Рюкзак сползает у нее с плеч. Брай подхватывает его, закидывает себе за спину и протягивает крестнице руку. Клемми начинает напевать песню о том, как испечь пирог для друзей, – по-видимому, ту самую, что они пели в большом зале. Она смотрит на Брай снизу вверх, на щеках от улыбки появляются ямочки. Брай качает рукой, в которой держит ручонку Клемми, чтобы та знала, что Брай нравится ее песня. И так они начинают свое короткое путешествие по узким и холмистым старым улочкам Фарли к Сейнтс-роуд, где живут их семьи – Чемберлены и Коли. Брай вручает Клемми монету в два фунта, которую та опускает в шляпу уличного музыканта, расположившегося на каменном мосту.

– Хорошего дня, девушки, – подмигивает он им, а они уже машут знакомой, работающей в магазине правильного питания.

– Брай! Э-эй! Брай, Клемми, подождите нас!

Брай медленно и неохотно оборачивается. Ее подруга Роу, все еще в легинсах после йоги, на всех парах несется к ним по обсаженной деревьями аллее, рядом едва поспевает ее дочка Лили.

– Я же тебе говорила, что необязательно уходить раньше, – говорит Роу поравнявшись с ними.

Клемми высвобождает руку, радостно приветствует Лили, и девочки вместе обгоняют взрослых и убегают на несколько шагов вперед.

– Хотя Элизабет тебя наверняка прикончила бы, если бы ты опоздала, – добавляет Роу. Ее браслеты звенят, когда она обвиняет своей рукой руку Брай. – Где она, кстати?

– У нее встреча в городском совете насчет той петиции, которую она всех заставила подписать, про снижение скорости на Сейнтс-роуд до двадцати километров в час.

– Ага, точно. Я как раз думала, как у них там дела.

В голосе Роу слышится легкое неодобрение, как будто Элизабет позволила проблеме выйти из-под контроля, хотя она делает для местных жителей больше, чем кто-либо другой, – факт, который одинаково и восхищает, и бесит людей. Брай привыкла, что Элизабет вызывает противоречивые чувства. Она это понимает – иногда Элизабет раздражает и ее саму, – но тон Роу все-таки задевает Брай. Тут как у сестер: она считает, что имеет право критиковать Элизабет, ее несговорчивость и желание все контролировать, но не позволит делать это другим, даже своему мужу Эшу.

– Лил, шнурки! – кричит Роу дочери, и все четверо останавливаются и ждут, пока Лили завязывает шнурки, а Роу в это время продолжает:

– Ну как, непривычно забирать ребенка из школы? Альба ведь только с сентября начнет ходить?

Брай пытается представить свою четырехлетнюю дочь не в ее обычном наряде – желтых резиновых сапожках и розовой балетной пачке, – а в таком же, как у Клемми и Лили, синем клетчатом платье и в черных туфлях. Она представляет, как Альба качает маленькой темно-русой головкой и говорит: «Мама, я это не надену».

Картинка одновременно захватывающая и душераздирающая.

– Господи, только не это. Так странно об этом думать.

– Знаю, знаю. Все через это проходят, уж поверь мне. Я рыдала и не могла остановиться, когда в первый раз отвела Лили в школу. Но знаешь, потом у тебя куча свободного времени, это так здорово, и...

Брай кивает; она так часто делает, когда общается с Роу.

«Она обожает давать советы, хочешь ты этого или нет», – как-то сказала о ней Элизабет.

– Клемми, ты хочешь, чтобы Альба после летних каникул пошла в «Неттлстоун»? – спрашивает Брай.

Клемми прерывает секретную беседу с Лили и вскидывает голову:

– Маленькая Альба пойдет в мою школу?

Брай кивает, улыбается, и Клемми несколько раз подпрыгивает. Лили, все еще стоя на одном колене, озадаченно смотрит на нее снизу вверх.

– Она тебе так нравится?

– Альба мне как младшая сестра, – объясняет Клемми, продолжая радоваться. – Да ведь, тетя Брай?

Брай наклоняется и целует Клемми в макушку:

– Как это мило, Клем. Здорово, что у Альбы есть старшая сестра... Только не говори «маленькая Альба», когда она рядом, – Брай подмигивает, как будто только они с Клемми знают, как Альба сердится, когда ее называют маленькой.

Клемми поворачивается к Лили и с очень серьезным видом говорит:

– Альба *ненавидит*, когда ее называют маленькой.

Девочки вприпрыжку бегут дальше, и Роу уже готова снова завладеть рукой Брай, но та замечает, что магазинчик на углу напротив все еще открыт.

– Знаешь, Роу, мы, пожалуй, зайдем купить чего-нибудь на ужин.

– Ага, ладно, – говорит Роу, отводя руку. – Увидимся в субботу вечером?

– В субботу?

Роу смеется, вытаращив глаза от удивления, и Брай торопливо добавляет, пытаясь скрыть свою забывчивость:

– Ах да, барбекю у Элизабет.

Она закатывает глаза, чтобы показать, как злится на саму себя, затем зовет Клемми, и они, держась за руки, переходят тихую улицу.

– Пока, Лили, пока, Роу! – машет им Клемми.

Лили машет в ответ, Роу посылает воздушный поцелуй, затем достает из кармана телефон и подгоняет Лили вперед.

В магазине Брай сразу направляется к холодильнику с мороженым.

– Выбирай, какое хочешь.

– Любое?

– Любое.

Следующие пять минут проходят в мучительном выборе между клубничным и шоколадным с посыпкой. В итоге Клемми берет такой же разноцветный фруктовый лед, как у Брай.

Брай расплачивается, забыв про хлеб и молоко, которые просил купить Эш, и они вдвоем рука об руку выходят из магазина. Мороженое уже начало таять на солнце, и липкая смесь красного, оранжевого и желтого стекает по пальцам.

* * *

– Наконец-то!

Элизабет стоит, уперев руки в бока на пороге семейной резиденции Чемберленов, типового дома в викторианском стиле. Растущие в палисаднике магнолии отбрасывают на тротуар пятнистые тени. Она выглядит как классическая мать семейства: фартук в красную полоску, светлые волосы заколоты в тугий узел на затылке, аккуратный макияж – подводка и помада – вероятно, оставшийся после совещания. В руке она держит бутылку белого вина. Брай тут же узнает: это сансер, который Эш покупает в больших количествах.

– Мамочка! – Клемми подсакивает к Элизабет и целует ее в губы.

Элизабет берет ее руку и замечает:

– Куколка, ты вся липкая.

– Мы с тетей Брай кушали мороженое, – отвечает Клемми и в доказательство показывает язык.

– Надо говорить «ели мороженое», милая. Нет уж, не хочу я смотреть на твой язык, фу! – В притворном ужасе Элизабет обращается к Брай поверх головы Клемми: – Мороженое *до ужина*, тетя Брай?!

Брай пожимает плечами:

– Привилегия крестной матери, – и показывает Элизабет собственный разноцветный язык, прежде чем поцеловать подругу в щеку.

– Надо будет не забыть отплатить тебе той же монетой, – отвечает Элизабет, вытаскивая листик, застрявший в темных волосах Брай. – Я только что от вас. Эш и Альба скоро придут. Встреча закончилась раньше, чем я думала, так что у меня была пара минут, чтобы запечь рыбу.

Брай думает, что планировала покормить Альбу на ужин консервированной фасолью, вспоминает про хлеб, который так и не купила, и испытывает одновременно благодарность к Элизабет и стыд за собственную забывчивость. Эти размышления быстро прерывает Клемми, которая берет Брай за липкую руку и говорит:

– Ура, маленькая Альба придет к нам на ужин!

Элизабет и Брай улыбаются друг другу и одновременно произносят: «Не называй ее маленькой Альбой», – и входят в уютный теплый дом номер десять по Сейнтс-роуд.

* * *

В саду Элизабет и Джека лето уже в самом разгаре. На одном краю лужайки Макс и Чарли поставили калитки для крикета; на траве лежат перчатки, щитки и бита, дожидаящиеся своих хозяев из школы. На другом краю, на безопасном расстоянии от крикета, стоит небольшой розовый бассейн Клемми, до половины наполненный водой. Недавно подстриженная лужайка – изумрудного цвета, яблони и груши в дальней части сада, возле стены, за которой начинается лес, утопают в зелени. Макс и Чарли скоро будут дома; дети всегда едят вместе в пять часов, поэтому Клемми бодро поднимается к себе, чтобы переодеться, а Элизабет проходит через застекленные двери, ведущие из кухни в сад, и приглашает Брай за стол, который разместился возле бугристой стены из песчаника, заросшей выщипанным жасмином.

– Знаю, что рано, но это твой муж виноват, – говорит она и вручает Брай бокал вина.

– Он плохо на нас влияет, – соглашается Брай.

Она закрывает глаза, чувствуя, как теплое июльское солнце обволакивает ее, словно нежный крем; Элизабет начинает рассказывать ей про «это адское совещание», и Брай думает: «Да-а, вот ради чего нужно было ждать всю зиму, ради этих милых простых радостей».

Для Брай быть рядом с Элизабет – это самая естественная вещь в мире. Но так было не всегда. Когда они познакомились в университете, Элизабет встречалась с приятелем Брай по имени Адам. Никто из друзей Брай не мог понять, как неопрятный и легкомысленный Адам мог встречаться с этой высокой грациозной блондинкой, будто родом из Норвегии (на самом деле из Эссекса). Она была собранной, скептически ко всему настроенной, категорически осуждала легкие наркотики и чрезмерное употребление алкоголя. Все это, по мнению Брай, делало ее настоящей занозой в заднице.

Так продолжалось до тех пор, пока Адам не бросил ее, а Брай не услышала, как Элизабет плачет в соседней туалетной кабинке в пабе («Я расстроена потому, что он был первым, кто забрался туда»), и после этого она начала нравиться Брай. Она подсунула Элизабет под дверь рулон туалетной бумаги, и потом они целенаправленно напились. Жизнь Брай перевернулась. Она открыла для себя отношения, в которых не было места конкуренции, сравнениям или зависти, просто потому что они с Элизабет были очень разными. Не то чтобы небо и земля, скорее, небо и вода – странная, неожиданная, но удачная пара. Брай никогда не встречала человека своего возраста, который был бы похож на Элизабет: она интересовалась политикой, не стеснялась говорить, что хочет зарабатывать много денег, но при этом умела от души смеяться и беспокоилась о других больше, чем кто-либо из знакомых Брай. Сама Брай хотела быть художницей, питала слабость ко всему божественному и ненавидела политику. Брай повязывала голову шарфом из конопляной ткани – Элизабет носила маленькую черную сумочку, в которой помещались телефон, книжка, складная расческа и идеально организованный бумажник. Элизабет сохраняла все чеки – Брай прятала пятифунтовые банкноты в лифчик. Когда Брай танцевала, она поднимала руки вверх и раскачивалась всем телом; Элизабет делала шажки вправо и влево, сжав плотные как орех ягодичцы, и всегда следила за временем. Они словно открыли друг в друге новую удивительную страну, место, где они сами не стали бы жить, но где можно на время укрыться, когда твой мир сотрясают катаклизмы.

– Брай, ты меня совсем не слушаешь!

Брай открывает глаза. Элизабет размахивает у нее перед лицом телефоном и тычет пальцем в календарь.

– Уже июль, и очевидно, что свободных выходных не осталось из-за школьной ярмарки, барбекю, дня рождения Клемми и всяких мероприятий в конце учебного года. Как насчет того, чтобы отметить твой день рождения в начале августа? Скажем, в выходные третьего числа?

В феврале, когда все представлялось еще таким далеким, Брай показалось, что, возможно, кемпинг на выходные будет лучшим вариантом отметить невероятно страшное событие – ее сорокалетие, и Элизабет, конечно же, не забыла об этом. Брай краснеет, ей жарко и неловко.

– Может, обсудим это как-нибудь в другой раз? – ворчит она. – Например, никогда?

Элизабет убирает телефон, делает глоток вина, не сводя с подруги голубых глаз, и говорит:

– Слушай, Брай, я знаю, ты мне не поверишь, но ты на самом деле в очень хорошей форме для сорока лет.

– Я тебе говорю, это все йога.

– Да черт с ней, с йогой. Ты замужем за замечательным мужчиной, которого ты любишь и который, так уж вышло, очень богат; у тебя чудесная дочь, ты живешь в потрясающем доме в потрясающем городе через дорогу от потрясающей подруги, и когда твоя чудесная дочь пойдет в школу, ты найдешь новую работу, какую-нибудь высокохудожественную хипповую ерунду, которую я совершенно не понимаю, но в которой ты добьешься успеха, так что, знаешь ли, не думаю, что тебе стоит психовать. Ты на верном пути.

– Ты же психанула, когда тебе стукнуло сорок.

– А вот и нет!

– А вот и да. Просто мне нельзя было тебе ничего говорить. Помнишь, когда я пришла вечером накануне твоего дня рождения, и ты гладила детские трусики?

Элизабет морщится.

– Ну да, было дело, я была немного не в духе...

Она делает еще глоток вина и меняет тактику.

– Ладно, психуй, если хочешь, но давай сначала определимся с датой, чтобы я могла понять...

Внимание Элизабет привлекает яркое пятно: маленькая красноголовая пичужка, размахивая руками, бежит по траве к бассейну.

– Клем, серьезно? Сейчас? – кричит Элизабет своей дочери, которая переделалась в купальник; теперь видно, какая молочно-белая у нее кожа.

Но Клемми не слышит; она неподвижно замерла на краю бассейна, пристально разглядывая что-то в воде. В это же мгновение из дома раздается крик: «Мам, мы дома!» Вернулись мальчики, и Элизабет спешит к ним на кухню, чтобы быть первой, кому они расскажут о своих сегодняшних достижениях и неудачах.

Брай садится на колени возле Клемми, которая складывает ладошки чашечкой и опускает их в воду, тихонько приговаривая: «Бедная маленькая божья коровка, бедная божья коровочка».

У нее в ладонях, нелепо перебирая короткими ножками, барахтается в воде божья коровка.

– Она утонет, тетя Брай, она сейчас утонет! – голос Клемми в панике срывается, на глаза наворачиваются слезы.

– Нет-нет, мы ее спасем.

Брай ловко переворачивает насекомое, как при игре в блошки, и подносит руку Клемми к бодро шевелящимся ножкам. Как ни в чем не бывало божья коровка начинает взбираться по кисти Клемми, оставляя за собой малюсенькие лужицы. Клемми хихикает:

– Щекотно!

– Ты вовремя ее заметила, Клем, молодец.

– Тетя Брай, как ты думаешь, она голодная?

Они вдвоем собирают маргаритки и листья, чтобы соорудить для спасенной божьей коровки гнездо. Клемми придумывает ей имя – Ромашка, и они уже собираются отмечать

новоселье Ромашки, когда Брай замечает несущуюся к ним Альбу. Она тяжело пыхтит на бегу, быстро, как только может, семеня пухлыми ножками, каштановые волосы растрепались – она как маленький прелестный ураган. Альба широко улыбается и не сводит глаз с Клемми, смеясь в предвкушении. Она уже выпрямила ладони, как ее учил папа. И вот она с топотом подбегает сзади к сидящей на корточках Клемми и закрывает ей глаза. Вот бы получилось!

– Угадай, кто, Лемми? – пищит она, пытаясь отдышаться.

Но Клемми легко уклоняется:

– Ш-ш-ш, Альба, тихо. Видишь, мы показываем Ромашке ее новый дом и новые вещи.

Альба садится на корточки рядом с Клемми. Она похожа на коренастого механика, осматривающего автомобиль. Она переводит взгляд с Клемми на кучу листьев и обратно.

– О-о, – произносит она, а затем на ее лице отражается удивление. – Но зачем букашкам вещи? У них же есть крылья!

* * *

Спустя несколько минут Элизабет выносит рыбу, запеченную с картофелем, а Макс и Чарли следуют за ней с тарелками и приборами. Их шнурки волочатся по земле, а одежда после дня, проведенного в школе, выглядит ужасно неопрятно. Чарли кричит: «Привет, тетя Брай!», Макс машет рукой. Вскоре появляется Эш. Он кладет руку на плечо Брай и целует ее, подливает женщинам вина и до краев наполняет свой бокал. Брай открывает для взрослых пачку чипсов, а Клемми, пока Элизабет ходит за водой, осторожно пристраивает Ромашку под стол к себе на колени.

– Как там ваша йога? – интересуется Эш, занимая место рядом с женой, пока Элизабет усаживает Альбу на подушку.

Макс и Чарли начинают спорить о каком-то матче по крикету в Вест-Индии, а девочки тайком кормят Ромашку картофельным пюре.

– Старая безумная Эмма снова распевала «ом-м» громче всех? – спрашивает Элизабет, через голову стягивая фартук. – Макс, будь добр, локти со стола.

Макс закатывает глаза и на пару миллиметров приподнимает локти над столом. Чарли хихикает, но с опаской смотрит на Элизабет, которая села напротив Брай и Эша. Ей достаточно посмотреть на старшего сына и приподнять брови, чтобы он послушно убрал локти со стола.

– Вообще-то, ее не было. Кажется, она неважно себя чувствует, – отвечает Брай.

– О, неужели у нее разыгралась какая-нибудь чакра? Она у меня в черном списке: вызвалась проанализировать местные инициативы по ограничению скорости транспорта, и с тех пор от нее ни слуху ни духу. Хотя я не удивлена.

– Разве она когда-то была у тебя в белом списке, Элизабет? – Брай старается, чтобы это не прозвучало так, будто она поддерживает Эмму: Эш и Элизабет обожают высмеивать хипповых друзей Брай.

Элизабет кивает:

– Тоже верно.

– Я ее видел вчера в «Уэйтроузе», – говорит Эш, протягивая руку за чипсами. – Я был возле сыров и даже оттуда слышал, как в веганском отделе бренчат ее бусы, и колокольчики, и вот это все, что на ней. Я сделал вид, что не заметил ее, но она меня все-таки сцапала.

– Клемми, съешь, пожалуйста, немного рыбы, – отвлекается Элизабет и снова возвращается к разговору. – Боюсь, Эши, в Фарли ты от нее не спрячешься.

Только Элизабет позволено называть его «Эши».

– А то я, блин, не знаю, – отвечает он.

Элизабет хмурится: Эш выругался в присутствии детей – но ни он сам, ни дети этого не замечают.

– Я никогда не привыкну к случайным встречам. Вообще не понимаю, зачем люди на улице заводят эти дурацкие неловкие беседы ни о чем, если можно просто кивнуть друг другу или там, не знаю, помахать. Seriously, если я захочу с вами увидеться, я напишу сообщение и договорюсь о встрече, но зачем останавливаться и говорить о погоде просто потому, что мы живем рядом и случайно шли по одной стороне улицы? Не понимаю.

Лицо Элизабет уже явно выражает недовольство Эшем, она качает головой и говорит:

– Это называется жизнью в обществе, Эши.

– Нет, это называется чертовой тратой времени.

Элизабет продолжает, не обращая внимания на его слова:

– Это называется знакомиться с соседями, быть ответственным, заботиться друг о друге.

Эш морщит нос в притворном отвращении:

– Не, это не для меня.

– Как говорится, можно вывезти парня из Северного Лондона, но Северный Лондон из парня уже не вывезешь.

– Аминь.

Коли появились в Фарли два года назад, покинув дорогой сердцу Эша Северный Лондон, где его престарелые родители так и живут с тех пор, как пятьдесят лет назад переехали в Англию из Нью-Дели. Эш прожил в Лондоне сорок пять лет, но согласился уехать, потому что Брай поклялась, что их дочь будет дышать чистым воздухом, у Эша будет меньше поводов для стресса, а рядом будут жить люди с похожими взглядами. Эш сменил костюм на шорты и шлепанцы, отрастил бородку, больше седую, чем черную, а его старые солнечные очки словно приросли к голове надо лбом. Еще до переезда он продал свою интернет-компанию, занимавшуюся цифровым маркетингом, которую он строил десять лет и которая стоила ему первого брака. Он лишь в общих чертах может рассказать о первых годах жизни двух своих сыновей, словно приходится им добрым дядюшкой, а не отцом. Когда брак с первой женой, Линетт, распался, Эш женился на своей работе, а все остальное послал к чертям – он станет зарабатывать кучу денег, будет покупать лучшее, а сотрудники будут его бояться. Жить он будет исключительно в центральной части Лондона и встречаться с женщинами лишь затем, чтобы заставить других мужчин ревновать. Это будет жизнь без страсти, зато стабильная. Но все пошло наперекосяк, когда однажды на корпоративе в его жизнь ворвалась Брай со своими длинными темными волосами и шоколадными глазами. Он обещал ей – точнее, клялся и плакал, – что никогда-никогда больше не поставит работу выше всего остального. Поэтому его не пришлось долго убеждать переехать в Фарли, который понравился им обоим, после того как они несколько раз побывали в гостях у Чемберленов.

Дети Чемберленов уже закончили есть, но они знают, что нужно подождать Альбу, прежде чем им дадут фруктовый салат. Три пары глаз смотрят, как Альба запикивает последние кусочки картошки и рыбы в рот, со звоном кладет вилку на тарелку и хлопает в ладоши.

Чарли уносит тарелки на кухню и возвращается с десертом. Макс запускает ложку в салатницу, чтобы наполнить маленькие миски, и Чарли бьет его по руке:

– Он же знает, что это я люблю делать! – вопит он, обращаясь к маме.

Театрально вздохнув, Элизабет говорит:

– Макс, ты знаешь правило: кто убирает со стола, тот и накладывает сладкое. Не расстраивай брата.

Воцаряется мир, дети склоняются над своими порциями, и тут в дверях кухни появляется высокая фигура и раздается голос Джека: «Сюрприз!»

Из-за стола раздаются крики «Папа!», и вот уже Джек, звучно перецеловав всех четверых, останавливается, чтобы тайком быть представленным Ромашке, а Элизабет, взглянув на часы, замечает:

– Ты сегодня рано.

Щеки Джека едва заметно розовеют, но он ничего не говорит. Теперь он демонстративно целует всех взрослых – даже Эша в обе щеки. Чарли и Макс хохочут. Эш наливает приятелю вина, и Джек тянет галстук, чтобы ослабить узел. Нет, он еще не готов сесть, энергия так и бурлит в нем. Брай предлагает ему чипсы, но Джек качает головой и похлопывает себя по едва начавшему округляться животу.

– Нет, спасибо, плотно пообедал.

Джек работает в Лондоне на китайскую строительную компанию, что Брай всегда казалось несовместимым с его пижонским видом и обходительными манерами. Эш считает, что китайцы именно поэтому его и наняли. («Они его охренеть как любят – он их рыжий Хью Грант».)

– Много работы? – спрашивает Элизабет, потянувшись за чипсами.

– Как всегда, – отвечает Джек, не глядя жене в глаза. – Так вот, значит, чем ваша дружная компания тут занимается! Попиваете вино на солнышке, пока я вкальваю?

– Все так, приятель, все так, – говорит Эш, откидывается на спинку скамейки, опускает на глаза солнечные очки и одной рукой обнимает Брай за плечи.

Элизабет хохочет, как будто предположение Джека – самая нелепая вещь, которую она слышала, и пускается в рассказ о том, как прошло совещание в городском совете.

– Так что нам придется заполнить еще одну форму, о которой раньше никто не упоминал. Это так на них похоже!..

Элизабет рассказывает, а Брай прислушивается к ощущению теплой руки Эша на плече и пытается вспомнить, когда в последний раз приходила домой, полная энергии и энтузиазма, которые дарит работа. Когда они с Эшем познакомились, она была продюсером документальных фильмов, работала над «социально значимыми репортажами для среднего класса», как называл их Эш, хотя на самом деле имел в виду «довольно дерьмовые фильмы, снятые скрытой камерой». Она делала передачи о незаметной для посторонних глаз работе медсестер, о жизни в тюрьмах и вместе со знакомым режиссером основала собственную компанию, «Пул Продакшн»... и вдруг обнаружила, что беременна. Коллеги узнали об этом, когда Брай рыдалась, отказавшись от бокала шампанского во время празднования их первого заказа – документалки о работниках метро, которую должны были показать в три часа дня в воскресном эфире. Брай была на восьмом месяце, когда начались съемки, и на первой неделе девятого месяца, когда окончательно смирилась с тем, что фильм не закончит. Если бы они остались в Лондоне, она могла бы потом вернуться к работе, но «Пул Продакшн» теперь процветает, и должность Брай кому-то отдали.

Сначала Брай была поглощена отношениями с Эшем: переездом из Лондона, Тео и Брэном (его сыновьями от первого брака), Альбой и даже выбором плитки в прихожую и работой в саду. После того как они прожили в Фарли несколько месяцев, она попыталась отдать Альбу в ясли, заявив, что хочет преподавать йогу. Но Альба так плакала, когда Брай, собравшись с духом, радостно махала ей на прощание, что потом Брай весь день была как на иголках и, изучая дыхательную гимнастику и медитацию, думала только о том, как зареванная Альба сидит, забившись в угол, и никто не обращает на нее внимания. Брай решила, что йога подождет, а она все силы бросит на то, чтобы стать супермамой. Она будет сидеть с Альбой, научиться вкусно готовить, будет играть с дочерью в развивающие игры и вязать крючком. Но супермамой она так и не стала; во всяком случае, пока.

В последний год, особенно когда Альба начала ходить в детский сад, свободное время стало казаться Брай бременем, а не благом. Она давно заметила, что тратит на такие простые вещи, как нарезать бутерброды или оплатить счета, в три раза больше времени, чем Элизабет. Кажется, будто время утекает сквозь пальцы, беспорядочно и неудержимо. И она заметила, что с Эшем творится то же самое. Жизнь обвисает вокруг него, будто складки кожи. Он руководил перепланировкой и отделкой их нового жилища, а теперь несколько раз в неделю консультирует

клиентов из дома – и они слишком много времени проводят вместе. В этом и заключается их проблема.

Эш убирает руку с ее плеча и подергивает короткую седую бородку – признак того, что он чувствует себя не в своей тарелке. Возможно, догадывается, о чем она думает. Он встает из-за стола, и Альба, хохоча, заставляет его съесть полную ложку салата. Клемми просит у Элизабет разрешения выйти из-за стола и забирается на колени к отцу. Макс в шутку пинает Чарли под зад, пока они уносят на кухню пустые миски, а потом они с криками мчатся к своим воротцам для крикета. Когда мальчишки убегают, Альба просит добавки десерта и, отпихнув Эша, тихо сидит, сосредоточенно качая головой. Жуя кусочки апельсина и банана, она напевает только что сочиненную песню. Брай замечает, как Элизабет бросает быстрый взгляд на Альбу. Если бы Альба была дочкой Элизабет, та велела бы ей не петь с набитым ртом, но Брай перехватывает ее взгляд и без слов напоминает ей, что они договорились с уважением относиться к чужим методам воспитания детей. Они занимаются этим вот уже двадцать лет: признают, что между ними есть разница, обсуждают ее настолько подробно, насколько это возможно, а затем, как благородные рыцари, опускают мечи и спокойно расходятся.

– Тетя Брай, сюда, маленькая Альба, быстрее! Смотрите – у Ромашки появилась семья!

Клемми стоит у яблони в дальнем конце сада. Альба набирает в грудь воздуха, сжимает кулачки и со всех ног бежит туда. Брай идет за ней следом, чувствуя, как прохладна трава под босыми ногами и как тепло у нее на душе.

«Да, вот оно, – думает она, – вот оно, мое счастье». И чувствует, что вся ее жизнь – это одно радостное мгновение.

2 июля 2019 года

На часах 00:23, и Элизабет никак не может заснуть. Как обычно, она перепробовала все способы, о которых читала: за час до сна убрала телефон и ноутбук, надушила подушку лавандой, составила список дел на завтра, чтобы не держать их в голове, – но сна ни в одном глазу, и она лежит, уставившись в темноту.

Конец года в школе – это всегда кошмар. Элизабет приходится самой посещать все спортивные мероприятия и спектакли, потому что днем Джек на работе. А еще нужно организовать день рождения Клемми, который приходится на следующий день после окончания школьного года. В такое время жизнь Элизабет похожа на бесконечный список дел, который она пополняет, даже когда пытается уснуть.

Джек ритмично похрапывает рядом, и Элизабет все время кажется, что он хвастается, как ему приятно спать и как хорошо ни о чем не думать. Она понимает, что он ни в чем не виноват, и она должна быть довольна, что хотя бы один из них не будет с утра весь на нервах; но почему хотя бы изредка это не может быть она? Тяжело вздохнув, она выбирается из кровати. Похоже, эту битву она проиграла. Дверь закрывается за ней с резким щелчком, но это не важно. Джека ничто не разбудит.

* * *

Спустившись вниз, Элизабет заваривает ромашковый чай и усаживается за старый дубовый кухонный стол, сдвигая миски и ложки в сторону: перед сном она всегда накрывает стол к завтраку. Ночью кухня выглядит лучше: не так заметны царапины на мебели и налет вокруг раковины. Джек говорит, что нет смысла делать ремонт, пока дети маленькие, но Макс уже почти подросток, а плинтусы, несмотря на все усилия Элизабет, все еще украшены его младенческими каракулями. Все дело в деньгах: если не считать волонтерства, Элизабет не работала с рождения Клемми, а Джек уже четыре года не получал прибавки к зарплате. Они смогли купить дом только благодаря деньгам, которые Элизабет унаследовала семь лет назад, когда ее отец скоропостижно скончался от аневризмы.

Нужно еще раз поговорить с Джеком, и на этот раз он не должен уйти от разговора, бормоча что-то о долгосрочных последствиях финансового кризиса. Иногда, когда не удается заснуть, Элизабет представляет себе, сколько она зарабатывала бы, если бы осталась на работе, а Джек сидел с детьми. Раньше она работала адвокатом, представляла интересы медиакомпаний. Вполне возможно, что сейчас она была бы уже старшим партнером и получала в месяц приятную шестизначную сумму.

Но она не хочет возвращаться: за семь лет, прошедших с ее ухода, сфера медиа сильно изменилась; кроме того, она была несчастлива, когда вышла на работу после рождения Чарли. Каждый день ездить в Лондон и обратно, постоянно отпрашиваться пораньше, бесконечно извиняться за то, что у ребенка заболел живот или к ним не смогла прийти няня... Она выматывалась на работе и выматывалась дома. Она чувствовала, что не справляется ни как мать, ни как специалист, – у многих так, она это знала, но Элизабет просто не могла позволить себе не справляться. Это противоречило ее внутреннему кодексу. Если говорить начистоту, это и стало одной из причин, почему они завели третьего ребенка. Клемми стала причиной – самой лучшей причиной, – чтобы остаться дома. Оставить работу ради троих детей было уже не так стыдно; Элизабет приняла решение считать это проявлением благородства и заботы о семье с ее стороны. Когда Клемми было несколько недель, у нее начались судороги, и это лишнее подтвердило, что Элизабет нужна дома. Пока Клемми не исполнилось три года, трудно было

оставить ее даже с Джеком, даже на несколько минут. Элизабет была уверена, что, стоит ей отвернуться, как глаза дочери закатятся, а маленькое кукольное тельце начнет неестественно трястись. Кожа резко покраснеет, а изо рта пойдет пена, как во время химической реакции. Элизабет жалеет, что у нее мало счастливых воспоминаний о первых месяцах жизни Клемми. Она помнит лишь страх, давящий, душливый страх за себя и за малышку.

Элизабет включает ноутбук, открывает сайт «Би-би-си спорт» и забивает в строку поиска название теннисного лагеря Чарли, чтобы внести оплату (еще одна вещь, которую она забыла добавить в список дел), и тут ее внимание привлекает новостной заголовок. На фото – маленькая девочка с широкой улыбкой и пухлыми щечками. У Элизабет сжимается сердце, когда она читает то, что написано над фотографией: «Смерть Марты не должна быть напрасной».

Она знает, что не должна этого делать, но не может не щелкнуть по ссылке, чтобы прочитать всю статью. Ее написал отец Марты, Марк Кленси, и она о том, как его дочь умерла от менингита за несколько недель до запланированной прививки КПК. У Марты немного поднялась температура, мать уложила ее в постель и дала парацетамол. Девочка проспала тринадцать часов. А потом проснулась и начала кричать. Ей ампутировали все конечности, но этого оказалось недостаточно, чтобы ее спасти.

Элизабет зажимает рот рукой, потом начинает грызть ноготь указательного пальца, не прекращая читать. «Ее красная курточка до сих пор висит на вешалке у двери. Не думаю, что когда-нибудь смогу убрать ее оттуда».

Под статьей ссылка на еще один текст, который Элизабет не нужно читать, – таких в последнее время очень много, и все они почти об одном и том же: процент вакцинированных опускается ниже порога, необходимого для формирования коллективного иммунитета, повышается риск для пожилых людей и людей с ослабленным иммунитетом, обсуждается вопрос о том, чтобы сделать прививки в школе обязательными.

Элизабет вглядывается в фотографию Марты. У нее такие же ямочки на щеках, как и у Клемми. Сердце сжимается, пальцы стиснуты в кулак. Перед тем как Клемми пошла в детский сад, Элизабет поговорила с каждой няней и с каждым воспитателем и попросила удостоверить, что остальные дети привиты, поскольку Клемми нельзя вакцинировать из-за приступов. Большинство отнеслись с пониманием, однако некоторые отказались обсуждать это, а кто-то повел себя враждебно, словно Элизабет оскорбила их своей просьбой – как если бы спросила, сколько денег на их банковских счетах. Элизабет знала, что в Фарли уровень вакцинации особенно низкий, и когда Клемми пошла в «Неттлстоун», она встретила с директором, мистером Патерсоном. Он четко дал понять, что не может никого принуждать, однако разослал всем родителям электронное письмо с просьбой «подумать о будущем и всерьез рассмотреть вопрос» о вакцинации своих детей. Это одна из причин, по которой Элизабет так много времени уделяет всему, что связано со школой и местным обществом: если ее семью будут знать и, возможно, любить, то уж наверняка люди примут правильное решение?

У Клемми не было приступов уже несколько лет, она бегает быстрее и может постоять за себя лучше, чем любой другой почти семилетний ребенок, – во многом благодаря Максусу и Чарли. Она энергичная счастливая девочка, и Элизабет расслабилась, как будто ее дочь уже достигла некой неизвестной цели и теперь в полной безопасности. Но статья о Марте напоминает Элизабет, что Клемми вовсе не в безопасности. Она и не будет в безопасности, пока Элизабет этого не добьется. И в тусклом свете раннего утра она начинает новое письмо:

Всем привет!

Мы очень рады пригласить вас 18 июня отметить первый день летних каникул и день рождения Клемми, ей исполнится семь лет. План такой: дети объедаются сладостями и весь день скачут в надувном замке, а родители пьют вино и присоединяются к ним.

Она приписывает в конце «пока кому-нибудь не станет плохо» и тут же удаляет: выглядит не очень.

Как вы знаете, когда Клемми была маленькой, у нее часто случались судороги, и она сильно болела. Поэтому ей нельзя делать прививки, и мы должны быть суперосторожными, особенно когда в новостях рассказывают такие страшные вещи. Я прошу вас, как родителей лучших друзей Клемми, подтвердить, что ваш ребенок был своевременно привит. Если вы решили не прививаться, мы уважаем ваш выбор, но, к сожалению, считаем, что вам лучше не приходиться на праздник, и будет здорово, если впоследствии мы ограничим наши близкие контакты.

С нетерпением ждем вашего ответа!

С любовью и благодарностью,

Джек и Элизабет

Обычно они «Элизабет и Джек», но в этом случае ей кажется, что «Джек и Элизабет» звучит лучше. Она пересылает письмо Джеку, вместе со ссылкой на статью о Марте и коротким комментарием:

Дорогой, прочитай, пожалуйста, эту статью. Она мне напомнила, что мы слишком расслабились насчет прививок. Что скажешь о моем письме ниже? Я хотела бы разослать его как можно скорее.

Целую.

Когда она щелкает «отправить», кулак у нее в груди разжимается: Клемми уже чуть больше защищена. Элизабет допивает чай, оплачивает взнос за лагерь Чарли, а затем открывает новую вкладку и начинает просматривать карту скоростных ограничений в жилых кварталах. За окном утро разливают по небу нежно-голубую краску. Все пятна вчерашнего дня смыты, и их стремительно уносит отступающая ночь.

К семи утра Элизабет еще не успевает понять, насколько паршиво она себя чувствует. По будням Джек выходит из дома в 6:30, чтобы успеть на лондонский поезд в 6:45, так что все утренние хлопоты ложатся на нее. Согласно расписанию дежурств, кто-то из детей убирает после завтрака, Элизабет еще с вечера проверяет, все ли они собрали к школе, и пишет себе еще один список, чтобы ничего не забыть. Она постоянно в погоне за будущим – будущим, полным грязной обуви и забитых посудомоечных машин. Но как бы она ни старалась, что-то все время идет не так. Этим утром Макс не может найти свой велосипедный шлем, Чарли на пятнадцать минут дольше положенного нежится в постели, а Клемми безуспешно пытается выбрать заколку. Для Элизабет нарушения распорядка – словно палец, который непрерывно тычет в больное место. Она воспринимает все это как свою вину, свою неспособность быть матерью, быть человеком. Она так и слышит, как укоризненно цокает языком ее собственная мать. Элизабет не сможет нормально вздохнуть, пока все они вовремя не выйдут из дома – сытые, чистые и готовые к новому дню. И под ее контролем так всегда было, есть и будет.

Макс учится в средней школе и сам ездит туда на велосипеде. Чарли идет на несколько шагов впереди Элизабет и Клемми, которая едет на розовом самокате. Это лучшая часть утра. Элизабет шагает по извилистым улочкам Фарли, прихлебывает кофе из термокюветки и любит себя своими детьми – опрятными и собранными. Она справилась с еще одним утром. Наконец-то она может спокойно вздохнуть.

– Элизабет! Подождите нас!

Брай кричит от калитки дома номер девять – дома семьи Коли, который возвышается за ней, внушительно раскинув окна по обе стороны от входной двери, самый большой на Сейнтс-роуд. В этом месяце Альба пару раз в неделю ходит по утрам в подготовительную группу при «Неттлстоуне», чтобы в сентябре ей было проще адаптироваться к начальной школе. Элизабет

нравится ходить вместе с ними при условии, что Брай нормально собирается, но тут она с первого взгляда понимает: сегодня явно не тот случай. В одной руке Брай несет Альбу, босую, лохматую и ужасно милую, тост и огромного розового фламинго, а в другой – свою сумочку и хозяйственную сумку из джута.

– Чарли, Клемми, подождите минутку, пожалуйста, – зовет Элизабет детей и пересекает дорогу в обратном направлении.

Брай еще только выходит из калитки, потому что забыла закрыть входную дверь. Элизабет кажется поразительным (и, честно говоря, немного несправедливым), что у Брай и Эша столько денег, – Брай сказала ей по секрету, что Эш продал свою компанию почти за два миллиона фунтов, – но они до сих пор одеваются как студенты. Понятно, что Джек немногим лучше, но у него-то двух миллионов нет.

На Брай темно-синий хлопчатобумажный комбинезон, который она надевает каждое утро (Элизабет надо будет улучшить момент и попросить ее избавиться от него). Из одного кармана торчит пара розовых колготок в полоску, а из другого – расческа; и то и другое, хочется верить, для Альбы, которая сейчас уткнулась матери в грудь. Элизабет старается не смотреть. Несколько месяцев назад у них был пьяный и довольно жесткий разговор о женщинах, которые долго кормят грудью. Элизабет считает, что грудное вскармливание пора сворачивать, когда ребенок начинает ходить, но Брай заявила, что Элизабет просто ослеплена патриархальной идеологией.

– Прости, Элизабет, она только десять минут назад проснулась – если хотите, идите без нас.

На мгновение Элизабет испытывает соблазн продолжить утреннюю прогулку на свежем воздухе и привести детей в школу вовремя, но она знает, что не сделает этого.

Брай перехватывает Альбу поудобнее. Альба пищит.

– Давай, я подержу, – говорит Элизабет, пока Брай высвобождает руку из сумки и передает Альбу, которая растопыривает руки и ноги, как прыгающая с ветки на землю обезьянка, и вцепляется в крестную.

– *Поздоловайся с Фледом*, – Альба сует фламинго в лицо Элизабет.

Шерсть Фреда царапает Элизабет щеку, и она чувствует запах засохшей слюны, кислого молока и детского крема. Элизабет громко чмокает воздух перед клювом Фреда.

Брай начинает натягивать на Альбу колготки.

– Спасибо, Элизабет. Прости, Эш сегодня ушел рано, должен встретиться с сантехником по поводу чего-то там, и я совсем забыла про время, – Брай поднимает глаза на Элизабет. – Ну ладно, ладно, не надо на меня так смотреть! Я знаю, что Джек каждое утро уходит рано, но не все же могут быть супермамами.

Брай замолкает, потому что на Сейнтс-роуд, сигнала, выезжает большой фургон. Когда он подъезжает ближе, Элизабет видит за рулем немолодую, привлекательную и худощавую женщину, с голубым платком на шее. Она смеется – по-видимому, над удачной шуткой безумно красивого молодого темноволосого мужчины, который сидит рядом с ней, положив босые ноги на приборную панель. Женщина с грохотом проезжает мимо и машет им обеим рукой. Элизабет не знает почему, но этот жест кажется ей покровительственным. Фургон резко останавливается сразу после дома Элизабет.

– О, видимо, это новые жильцы из восьмого, – говорит Брай, оборачиваясь, чтобы проводить взглядом фургон.

– Восьмой – это кто? – спрашивает Альба.

– Это соседний дом, возле тети Элизабет, – отвечает Брай. Голос у нее тихий, будто она замечталась.

– Дядя, *котоль* там жил, улетел на небо, – торжественно произносит Альба.

Брай поворачивается к дочери, но та не спускает глаз с Элизабет. Вопрос серьезный и требует серьезного ответа.

– Да, Альб, все так и есть.

Господи, как Элизабет этого не хватает. Может, им завести четвертого? Она всегда может сделать вид, что это вышло случайно.

– Надо пойти поздороваться, – говорит Брай, натягивая колготки Альбе на попу, для чего Элизабет опускает ее на землю, все еще держа за руку.

– Брай, сейчас не получится – дети...

Брай смотрит на них: Чарли щекочет Клемми прутиком.

– Ну да, конечно, у них будут неприятности, если опоздают, ну да...

Но даже Элизабет ненадолго забывает о детях, когда двери фургона хлопают и женщина вприпрыжку бежит к дому, а затем, раскинув руки, разворачивается к своему красивому спутнику, словно дом – это старый добрый друг, которого она представляет своему... кому? Сыну? Племяннику, может быть? Он стоит, сунув большие пальцы в задние карманы джинсов, оглядывает унылый фасад и быстро что-то говорит, кажется, по-итальянски, а затем устремляется за ней внутрь.

Элизабет приподнимает бровь:

– Что ж, судя по всему, они не очень-то хотели поздороваться.

– Они же помахали, – вступается Брай в защиту тех, кого она даже не знает, и добавляет: – Ты ведь сможешь быть с ними милой, Элизабет?

Элизабет внезапно чувствует, как к лицу приливает кровь.

– Я всегда милая, – бросает она, чувствуя всплеск раздражения.

Ей хочется спросить, что вообще Брай подразумевает под *милой*, но Альба дергается и вырывает свою ручку.

– Пошли! – кричит она, сует многострадального Фреда под мышку и бежит через дорогу к Чарли и Клемми, а Элизабет и Брай кричат одновременно: «Дорога!», но Альба не обращает на них внимания, потому что ей четыре года и она еще не знает, что такое опасность.

Суд графства Фарли Декабрь 2019 года

Когда она достает из конверта фото, все присутствующие затихают; так бывает, когда притормаживаешь, чтобы посмотреть на аварию. Мы все хотим увидеть девочку, но стыдимся этого желания. Ее лицо мелькает передо мной лишь на секунду: никого не волнует, что видит или чего не видит судебный пристав, но лучше бы я не поднимал голову.

Ее лицо раздуто, словно воздушный шарик; губы покрыты язвами; рядом на подушке лежит розовый фламинго. Ради анонимности часть лица на фото, там, где глаза, размыта, но я все равно представляю себе эти красные набухшие веки, которые не могут открыться. На нее больно смотреть. Кажется, будто она уже умерла. Я думаю о собственных детях, и у меня комок подступает к горлу. Я скрециваю руки поверх черной мантши, переминаюсь с ноги на ногу, поднимаю голову и смотрю прямо перед собой. Мои дети в безопасности. Каждый раз, мы, как положено, отвозили их к медсестре, закатывали им рукава. Без вопросов.

Истица заправляет волосы за ухо. У нее першит в горле, она делает глоток воды и спрашивает: «Когда вы смотрите на эту фотографию, что вы видите?» Она снова делает паузу. Пара человек на галерее качают головами, а пожилая дама, которую я каждое утро провожаю к ее месту, зажимает рот рукой.

– Я скажу вам, что вижу я. Я вижу ребенка, охваченного мучительной болью и ужасом. Хотя нет, я вижу нечто более жуткое. Я вижу ребенка, охваченного мучительной болью и ужасом, которых можно было легко избежать.

Последнюю часть она произносит так, будто у нее разрывается сердце, – возможно, так и есть, – и в тот же момент демонстранты на улице снова начинают скандировать. Их голоса доносятся приглушенно; мы едва можем разобрать слова. Я бы не разобрал, что они кричат, если бы не слушал их все чертово утро: «Мой ребенок – мой выбор! Мой ребенок – мой выбор!»

Они не знают, что их выкрики в это время играют на руку обвинителю. Истица делает паузу, позволяя им прокричаться, убеждается, что весь суд слышит их и одновременно смотрит на фото умирающей девочки. Она умна; она знает, как завоевать доверие аудитории. Ей ничего не нужно говорить. Пусть присутствующие сами увидят взаимосвязь. Если бы я не был связан клятвой и не был бы представителем Королевы и государства, я бы заплодировал.

«Мой ребенок – мой выбор!»

Выглядит все это так, словно демонстранты желают детям боли, словно требуют защитить свои права, чтобы их дети могли страдать. Я обычно не выражаюсь грубо, но что это за гребаная логика?!

К горлу снова подступает комок. «Но мои дети в безопасности, – напоминаю я себе, – мои дети в безопасности».

6 июля 2019 года

В воскресенье в семь утра Эш открывает входную дверь – на пороге, изображая бег на месте, стоит Джек. Он в шортах и сетчатой майке, на запястье поблескивает фитнес-браслет, который Элизабет подарила ему в марте на день рождения; примерно тогда же Джек и Эш бегали вместе в последний раз.

– Доброе утро! – Джек ухмыляется приятелю.

Эш, в спортивных штанах, оставшихся еще со времен студенчества, и в футболке с *Radiohead*, зажмуривается и говорит:

– Это просто страшный сон. Я должен проснуться. Это всего лишь сон.

Джек хмыкает и начинает разминаться на ступеньках крыльца.

– Боюсь, что нет, толстячок. Надевай кроссовки.

* * *

Три мили спустя они бегут бок о бок по густому лесу, который начинается за Сейнтс-роуд. Они бегут в одном ритме и вместе вдыхают прохладный воздух летнего утра. Оно просто чудесное: небо раскрашено в нежные пастельные цвета, незаметно переходящие один в другой. Для Джека такие моменты, сколь бы мимолетными они ни были, просто бальзам на душу после изнуряющей скуки рабочей недели. Он поглядывает на Эша: у того уже покраснело лицо. Джек еще не устал, однако, чтобы Эшу не стало плохо, он слегка сбавляет темп. Впрочем, не настолько, чтобы задеть самолюбие друга. Год назад, во время такой же пробежки, Эш рассказал Джеку, что боится накосячить в отношениях с Брай, как уже случилось с его бывшей, Линетт. Признание стало основным правилом их пробежек: если они говорят, то только о реально важных вещах, а если нет, то бегают молча. Джек сосредоточенно смотрит на пятна света, который проникает сквозь крону молодых дубов, и травянистая дорожка перед ним кажется выложенной золотой галькой. Они не разговаривали серьезно уже несколько месяцев, но Джек напоминает себе, что ничем не рискует, если доверится Эшу. Что было сказано на пробежке, остается на пробежке. Раньше они говорили о женах, о страхе, который испытывают за детей, – да что там, одним дождливым ноябрьским утром Эш даже признался, что боится умереть. Они оба могут быть честными здесь, на этой тропинке – так почему бы и не поговорить об этом?

Джек прочищает горло.

– Слушай, чувак, на работе дела идут неважно.

Он чувствует взгляд Эша, но продолжает смотреть вперед. После Нового года Джек уже упоминал за кружкой пива, что недоволен работой. Правда в том, что как только он выходит из дома, ему хочется вернуться назад: он представляет, как заходит в прихожую, и дочь протягивает к нему ручонки. Он сидит на совещании по слиянию и думает о том, как проходит урок английского у Макса. Показывая иностранным инвесторам план нового многоквартирного дома, Джек мечтает, как будет болеть за Чарли на соревнованиях по плаванию.

– А что такое? – Эш проявляет интерес.

– Понимаешь, совсем ничего не хочется.

Джек не говорит Эшу, что частенько ставит в свой рабочий календарь вымышленные встречи, и вместо этого ходит в художественную галерею или в церковь – туда, где можно спокойно сидеть, уставившись перед собой, и не выглядеть странно.

– Не по душе тебе эта работа, чувак, заметно, – говорит Эш.

Джек молчит о том, что люди, которых он принимал на работу, теперь уже занимают более высокие должности, чем он сам.

– Ну да, я типа продаю Лондон богатым арабским бизнесменам. Стремно как-то.

– Ты как-то говорил, что тебе нравится преподавать...

Но Джек качает головой, перебивая Эша:

– Деньги, чувак. Преподавая, я буду получать треть от того, что имею сейчас, а мы и так едва справляемся, да еще Элизабет постоянно говорит о ремонте, и, кстати, ты в этом виноват...

Эш потратил на ремонт две тысячи фунтов. Элизабет, которая участвовала в процессе больше, чем Брай, присылала ему письма с пометками вроде «Дверные ручки моей мечты» или «Лучшая плитка – однозначно». Но он знает, что предлагать Джеку помочь деньгами – не вариант; однажды он уже так сделал, и после этого им обоим несколько дней было неловко.

– А что Элизабет? – пыхтит Эш. – Клемми пойдет в школу, и она могла бы работать на полставки. Это как минимум поможет оплачивать счета и позволит тебе вздохнуть свободнее.

Джек кивает.

– Да, я думал с ней поговорить. Хорошая идея.

Но Элизабет ничего не делает вполсилы. Когда после рождения Чарли она вышла на работу, то так нервничала, что вся покрылась аллергической сыпью.

Джек бросает взгляд на Эша, который почти обессилел: он тяжело дышит и наклонился вперед так, словно пытается заставить ноги поспевать за ним, кроссовки все чаще скребут землю. Эш поднимает руку и показывает, что ему нужно остановиться и размять ногу – Джек знает, что это повод передохнуть. Эш опирается рукой о дерево, опускает голову и морщится, ухватившись другой рукой за стопу и растягивая квадрицепс. Переведя дыхание, он говорит:

– Слушай, я знаю одного мужика, работает в рекрутинге – все та же корпоративная хрень, но с новыми интересными стартапами, – в свое время он собрал мне большую часть команды. В общем, могу ему позвонить. Уверен, он будет рад встретиться с тобой.

Эш отпускает ногу и разминает другую.

– Да, это было бы круто, большое спасибо.

Джеку чуть легче. Эш хлопает его по спине, говорит: «Ну, погнались», – и они продолжают пробежку, но через несколько минут Джек прочищает горло.

– И еще хотел с тобой посоветоваться. – Эш кивает. – Элизабет собирается написать всем родителям, которые через две недели придут с детьми на день рождения Клем.

– Ага, – выдыхает Эш.

Они преодолевают крутой подъем. Эш не может вымолвить ни слова, но его реакции достаточно, чтобы Джек мог продолжать.

– Я не знаю, что ей сказать, потому что она просит людей... Короче, она хочет знать, привиты ли их дети – те, кто придет на праздник.

Джек украдкой бросает взгляд на Эша: тот смотрит прямо перед собой. Он нахмурился? Или наморщил лоб от усилия? Эш, видимо, почувствовал взгляд и с трудом кивает. Эш один из немногих друзей Джека – возможно, даже единственный, – кто понимает, почему он женился на Элизабет. Остальные друзья в ее присутствии сжимаются в комок, словно в комнате сидит чья-то строгая мамаша. Джек познакомился с Элизабет, когда двадцать лет назад в пабе чуть не облил ее пивом. Она только начала работать солиситором, а он был начинающим, но весьма перспективным оценщиком недвижимости в международной медицинской благотворительной организации. В отличие от других его подружек, Элизабет точно знала, чего хочет. Не собиралась соответствовать представлениям других, не хотела быть «клевой» – она хотела быть собой. Ее самообладание и четкость мысли давали Джеку ощущение безопасности. Когда он не был уверен в себе, он мог быть уверен в Элизабет. Но любил в ней не только это – она была веселой, умной и готова была отдать жизнь за тех немногих, кто ей по-настоящему близок.

Эш жестами показывает Джеку, что он может продолжать.

– Ну, в общем, дело в том, что... – Джек глубоко вздыхает. Не будет ли это предательством? Да нет же, он всего лишь говорит откровенно, на чем Элизабет всегда сама настаивает. – Она пишет, что если кто-то из приглашенных детей не привит, то пусть не приходит на праздник. И вообще она, по сути, говорит, что им не стоит дружить с Клем.

На этот раз Эш резко тормозит. Джек сбавляет темп, останавливается чуть дальше на тропинке и поворачивается к приятелю, который держится за бок, закрыв глаза, и тяжело дышит, запрокинув голову к безоблачному небу. Ноги его все еще двигаются, словно не получили сигнала прекратить бег.

Со времени их последней пробежки Эш постарел, его живот округлился, а ноги стали тоньше. Когда пять лет назад Брай восторженно представила Джеку Эша, приехавшего на выходные из Лондона, его возраст – Эш на пять лет старше – казался чем-то особенным; примерно так дети Джека восхищаются старшеклассниками. Тогда Эш Коли выглядел, по выражению Элизабет, «холеным» и из-за этого он сразу стал похож, как пошутил Джек, на породистого пони. В моменты раздумий Джек беспокоился, не влюблена ли Элизабет в Эша. Тот был богат, разбирался в винах, обладал платиновой сединой и достаточно темным прошлым, чтобы казаться загадочным, – и, конечно же, он был холеным. Прошлое Джека, напротив, было скучно идеальным. Никто из его любимых внезапно не умирал, родители жили в Суррее, единственный кашемировый джемпер, который он смог себе позволить, сел после первой же стирки, да и вино он до сих пор выбирал по картинке на этикетке. Но потом Клемми начала болеть.

Через пару минут Эш подходит к Джеку и хлопает его по спине:

– Прости, чувак.

– Ты точно в порядке?

– Да, похоже, я что-то подхватил – у Альбы простуда, так что... – его голос звучит слабо и неуверенно.

Эш возобновляет бег, двигаясь мелкими осторожными шагами, как восьмидесятилетние старики, участвующие в марафонах. Пару минут спустя они через калитку выходят в поле, на пологий склон. Перед ними раскинулся миниатюрный Фарли; отсюда город, который прячется под защитой зеленых холмов, кажется идеальным, как на картинке. Джек сразу узнает главные достопримечательности – средневековый замок в центре города, уродливый квартал типовой застройки, спортивный комплекс с играющими в футбол ребятами. Между ними втиснулись кафе, муниципальные здания, частные магазинчики и вездесущие супермаркеты «Уэйт-роуз». Город не растет вширь, поскольку ограничен землями национального парка, и цены на недвижимость здесь стабильно высокие. Местные жители постоянно раздражаются из-за притока богатых иммигрантов из Лондона. Похоже, Эш пришел в норму: дорога спускается под горку, и дыхание у него выровнялось – поэтому Джек осторожно продолжает разговор.

– Так вот, это письмо, не знаю, не слишком ли это? То есть, я понимаю, что она беспокоится о Клемми, но вот так заявлять, что Клем не может дружить с непривитыми детьми – это перебор, нет? Мы будто выбираем, с кем может дружить наша дочь, и критерий отбора: совпадают ли ценности других родителей с нашими.

– Я так понимаю, – говорит Эш, продолжая смотреть прямо перед собой, – вы не из тех родителей, которые хотели бы держать Клемми взаперти, в тепличных условиях, да? Вы хотите, чтобы она жила полноценной жизнью. Значит, вам придется позволить ей рисковать. Ходить в школу, кататься на велике, переходить через чертову дорогу... Опасность повсюду, и возможно, все это еще более опасно, чем вероятность заразиться полиомиелитом или еще чем. Мне кажется, вам нужно прикинуть, насколько велик риск того, что Клемми подхватит один из этих, как их там, вирусов, и если подхватит, то насколько велик риск, что она серьезно заболеет. Я это все к чему: когда ты в последний раз слышал, чтобы кто-то заразился туберкулезом? Мне лично кажется, что риск минимален. Ну, серьезно...

Джек не знает, что и сказать. Он этого не ожидал. Он-то думал, что Эш, с его левыми взглядами, заботой об общественном благе и подпиской на научно-популярные журналы будет изо всех сил защищать необходимость вакцинации. С другой стороны, для него это все абстрактная теория. Конечно, его тут не было шесть лет назад, когда Клемми страшно болела, когда Джек приходил с работы и видел дикий взгляд Элизабет, которую била нервная дрожь. Кошмарные ночи, когда он просыпался от того, что Элизабет рыдала, прижимая к себе крепко спящую Клемми. Брай беспокоилась о подруге и пыталась поговорить о ней с Джеком, но он ее успокаивал: естественно, Элизабет временами чувствовала себя разбитой – у нее ведь двое сорванцов и маленькая дочь. Любой на ее месте чувствовал бы, что не справляется. Когда Клемми болела, Брай и Эш только начали встречаться, так что самый тяжелый период Эш не застал. Он не знал, какой ужас испытываешь, когда твоя малютка вся синяя оттого, что не может вздохнуть. Эша не было здесь, когда Элизабет не спала по две недели, с ужасом думая, что если она хоть на минуту закроет глаза, то ее ребенок умрет во время приступа. Ему не приходилось поднимать Элизабет с кухонного пола. Эшу не надо было отвозить дочь в отделение интенсивной терапии. Он не знал, что из-за навязчивого страха они стали ходить к психотерапевту и ездили на прием вместе с Клемми, которая агукала в детском кресле под неусыпным присмотром Элизабет. Эш не знал, каково это, когда твоя жена не доверяет тебе твоего же собственного ребенка.

Эш останавливается, когда они подбегают к калитке, которая выходит на Невилл-роуд, ведущей к кладбищу, а затем в город, а если пойти в другую сторону, то домой, к Сейнтс-роуд.

– Я думаю, вам стоит разослать письмо, но сформулировать все немного иначе: как вы знаете, Клемми не привита, бла-бла-бла, так что, если ваш ребенок не очень хорошо себя чувствует, мы будем признательны, если вы пропустите этот праздник, – что-то в этом роде.

Джек не выдерживает:

– Чувак, дело не в том, что она *не* привита, а в том, что ей *нельзя* делать прививки.

– Ладно, прости, но это в принципе одно и то же, разве нет?

Джек немного отстает и пропускает Эша в калитку первым.

«Это ни разу не одно и то же», – думает он.

– Да, пожалуй, хорошая идея. Спасибо.

Эш улыбается, довольный тем, что решил еще одну проблему друзей, и начинает бежать, на этот раз энергично, в сторону дома. Джек отстает. Лучше бы он не заводил разговор о письме и вообще не упоминал о нем. На сердце у него тяжело, тело словно налилось свинцом. Уже дома, в душе, прокручивая в памяти весь разговор, Джек понимает, что его беспокоят не слова Эша, а то, как он их произнес: как будто они были заранее отрепетированы, как будто он ждал этого разговора, и все это тоже не давало ему покоя.

* * *

Пока Элизабет делает покупки в интернете, Джек ест мюсли. Клемми, молодчина, пытается играть в крикет вместе с мальчиками. Слышен звук удара мяча о биты, и Клемми в третий раз кричит: «Я возьму!»

Он с опаской следит за ней и кричит: «Отлично пробежала, Клемми!» Но он знает, что мальчишки станут над ней смеяться – над ее гордым раскрасневшимся личиком, неуклюжим бегом, – совсем скоро им надоест смотреть, как она изо всех сил старается, и оживление сменится раздражением. После душа он просмотрел статью о малышке, которая умерла от менингита. А он-то занимался ерундой, разглагольствовал с Эшем, беспокоился о том, что подумают другие! Первое и единственное, что он должен делать, – это защищать тех, кого любит, а свою дочку он любит больше жизни.

– Кстати, милая, я думаю, что твой вариант письма просто идеальный.

Его жена отрывает взгляд от экрана, снимает очки:

– Ну что ж, хорошо. Я тогда отправляю его, да?

– Да, конечно, – он встает из-за стола, она выгибает длинную шею, пока он целует ее в губы. – Чем скорее, тем лучше.

* * *

Сейчас пять, и Эш вот уже час сидит у Джека и Элизабет в саду и пьет вино. Он чувствует умиротворение и приятное опьянение. После утренней пробежки вино действует быстрее и мягче. Бедняга Джек, как только приехал, вынужден был отправиться со всеми тремя детьми в «Неттлстоун» на школьную ярмарку. Эш помахал ему на прощание, довольный тем, что его задача, согласно плану Элизабет, – возиться с барбекю. Он с удовольствием следит за тем, как Элизабет хлопочет по хозяйству. Она абсолютно невозмутима. Как лебедь, который безмятежно плывет по речной глади, но при этом непрерывно работает мощными лапами. У нее полно забот, но она спокойна и все контролирует. Это потрясает. Он смотрит, как она расправляет отутюженные белые скатерти на столах и добавляет последние штрихи, сервируя салаты, приготовленные вчера вечером, – с чечевицей, с бататом, с горошком и с латуком и другими овощами – все украшенные зеленью и нежными цветочками из сада.

Однако иногда Элизабет перегибает палку. Эш вспоминает про письмо, о котором Джек говорил на пробежке. Порой кажется, что ей нравится бесить людей. Но сейчас ему не хочется думать о письме, и он просто наблюдает за Элизабет – как она осторожно, на цыпочках, встает на клумбу, чтобы срезать несколько цветов. Она аккуратно причесана и отлично выглядит в своем легком голубом платье, сквозь которое просвечивает гладкая бледная кожа, а запачканный мукой фартук придает ей уютный домашний вид. Эшу потребовался год или два, чтобы привыкнуть к ее строгим принципам, но сейчас ему нравится, что он может восхищаться ею и при этом не испытывать романтических чувств. Это прекрасно: чувствовать к ней любовь, но не желание.

– Знаешь, Лиззи, ты удивительная, – провозглашает Эш со своего шезлонга возле барбекю.

В ответ на его слова она хмурит лоб: она ненавидит, когда ее называют Лиззи.

– Что такое, Эши? – спрашивает она и собирает волосы в пучок, перед тем как осмотреть расцветший розовый куст.

Заметно, что она слегка улыбается, и Эш понимает, что она услышала его с первого раза, но хочет еще комплиментов, а он и не прочь ей угодить.

– Я говорю, что ты совершенно удивительная. Профи. Кажется, ты всегда знаешь, как сделать так, чтобы все вокруг сияло, а гости чувствовали себя как дома.

Видно, как на стройных ногах Элизабет напрягаются мышцы, когда она поднимается с розой в руке и благодарно улыбается, а затем медленно говорит:

– Ну, а вот твоя жена так не думает...

– Что? Не говори глупостей. Конечно, она считает так же.

Эш старается скрыть удивление: если Элизбет заметит, то вновь замкнется в себе. Максимально непринужденно он спрашивает:

– Почему ты так думаешь?

Упираясь рукой в поясицу, Элизабет потягивается.

– Да она тут кое-что сказала недавно, когда новая соседка из восьмого дома нам помахала.

– И что же она сказала? – интересуется Эш тем осторожным тоном, каким расспрашивал бы об Альбе, если бы она что-то натворила.

– Она сказала мне, чтобы я была с ней «милой».

У Эша вырывается отрывистый удивленный смешок.

– Нечего смеяться, Эш! Меня это очень задело.

Элизабет осторожно выбирается из цветника, забирает у него бокал, делает пару глотков, возвращает бокал и продолжает:

– Получается, она хотела сказать, что обычно я бываю не особо милой. Или что люди не считают меня милой. Конечно, я в курсе, что не всем нравлюсь, особенно хипповатым подружкам Брай, но если честно, то и они мне не слишком-то нравятся! Так что мне все равно.

Эш знает, что «хипповатые подружки» – это Роу и Эмма.

– Элизабет, я уверен, она ничего такого не имела в виду. Брай любит тебя как родную сестру.

Элизабет кивает; она знает это.

– Ты поговорила с ней?

– Нет.

Элизабет прищуривается и улыбается. Она похожа на Клемми, когда у той есть секрет.

– Я сделала круче: пригласила Розалин, новую соседку, на барбекю.

Эш снова смеется и предлагает Элизабет отпить у него еще вина, но она качает головой.

Тогда он спрашивает:

– И что она?

Элизабет кивает и пожимает плечами.

– Ну-у, пока не знаю. Судя по ее одежде и по тому, что она художница, она та еще хип-пушка – у нее в доме точно где-то горела ароматическая палочка, – но я стараюсь быть *милой* и воздерживаться от оценок.

Эш одобрительно показывает большой палец и интересуется:

– А кто еще придет?

Он поправляет тлеющие угли для барбекю, а Элизабет снова берется за секатор и набрасывается на куст лаванды.

– В этом году я решила, что гости в основном будут с Сейнтс-роуд. Понятное дело, вы, ребята. Моя старая школьная подружка Шарлотта приедет на машине из Лондона; мне кажется, вы пару раз встречались.

Эш кивает, вспоминая строго одетую статную женщину, которая громко говорила о конных скачках.

– Ну и наши завсегда – Крис и Джеральд, Джейн. И да, еще эта новая женщина, Розалин. И Клемми рассказала Лили, прежде чем я успела вмешаться, так что Роу и Лили тоже зайдут. У Стива, к счастью, какой-то заказ с его кейтерингом.

Элизабет подходит к столу и начинает расставлять маленькие нежные букетики.

– Сразу после ярмарки Джек отвезет мальчиков на ночь к бабушке и дедушке, это тоже хорошо.

Когда речь заходит о Максе и Чарли, Эш чувствует, как у него внутри что-то сжимается. Его собственные сыновья, Тео и Брэн, остаются у них с Брай каждые вторые выходные, но Эшу этого недостаточно. И никогда не было достаточно, но по какой-то неясной для него причине он все время избегает говорить об этом с Брай. Надо отдать ей должное: несмотря на усилия Линетт, мальчикам нравится Брай, и они ей тоже. Но однажды Эш услышал, как в разговоре с Элизабет она назвала себя «родителем мальчиков на полставки», и понял, что даже и спрашивать не нужно: ее «нравятся» никогда не перерастет в «люблю».

– Как там угли? – спрашивает Элизабет, глядя на ярко-оранжевые язычки пламени.

Эш еще раз старательно перемешивает их, чтобы показать, как он за всем следит.

– Все под контролем, будут готовы через двадцать минут, как заказывали, – отвечает он ей с улыбкой.

– Прекрасно. Я достану мясо из холодильника перед самым приходом гостей.

Она обводит взглядом сад и размышляет:

– Что еще? Ах да, подушки для стульев, и давай-ка я принесу тебе ведро со льдом для вина. Пожалуй, мы готовы.

Элизабет уходит на кухню, а Эш откидывается на спинку шезлонга, чувствует на лице солнечные лучи и думает: «Да, жизнь прекрасна».

– Папа!

Альба вприпрыжку выбегает из кухни, несется по травянистому склону к солнечному пятну, и Эш выдает выразительное «ох!», когда она утыкается головой ему в живот. На ярмарке ей разрисовали лицо; черные полосы и оранжевый, переходящий в белый, намекают, что она, наверное, тигр. Выглядит неплохо, но Альба умудрилась слизать всю краску вокруг рта, и кружок незакрашенной кожи точно показывает, как далеко достает ее язык. Возможно, именно для этого она и облизывалась.

Эш целует ее в темные кудрявые волосы, после чего Альба бежит дальше, чтобы выгулять на столе своего нового игрушечного бронтозавра. Из дома доносятся заглушающие друг друга голоса: Брай и Элизабет. Голос Брай выше, чем обычно. Она извиняется – вероятно, за Эша.

Выходя из кухни в сад, Брай говорит Элизабет:

– Не понимаю, о чем ты! Выглядит великолепно, как всегда прекрасно.

На Брай старое платье, белое с легким цветочным принтом, которое когда-то очень нравилось Эшу, но теперь выглядит слегка потрепанным. Брай почти не пользуется косметикой, но сегодня чуть-чуть накрасилась. Тушь под ее темными глазами немного размазалась – вероятно, она про нее забыла. У нее в руках сумочка, кофта Альбы, розовый фламинго Фред, сок для Альбы и ведро со льдом. Она выглядит так, будто сейчас потеряет равновесие, все выронит и растянется прямо на лужайке. Хаос, который вечно сопровождает его любимую жену, и напряженное выражение ее лица внезапно заставляют Эша занервничать, и это очень досадно, ведь он так славно проводил время. Глядя на него, Брай приподнимает одну бровь. Он понимает все, что ему нужно знать. Что ему не стоит сидеть здесь, рассматривать ее и пить вино и что она порядком вымоталась на ярмарке. Он довольно неуклюже приподнимается с шезлонга, отчего выглядит более пьяным, чем на самом деле, и подходит к ней.

– Возьми ведро, у меня пальцы к чертям замерзли, – цедит она сквозь зубы.

Эш не сразу реагирует, и она повторяет громче: «Ведро!» – и он хватается за ведро и сок Альбы, ставит их на стол.

– Брай, возьми свое вино! – зовет из кухни Элизабет, и в это время звонят в дверь.

* * *

Прежде чем поздороваться со всеми, Эш спешит в туалет наверху, поскольку дорога к нижнему, у входной двери, перекрыта прибывающими гостями. Семейная ванная комната идеально чиста, белоснежная ванна блестит, как в рекламе чистящего средства, а игрушки для купания аккуратно собраны в плетеную корзинку. Стоя перед унитазом, Эш держится за край раковины. Слабенький голос разума, напоминающий голос жены, твердит, что пора закругляться с вином, но он не готов сдаваться и пить воду. Он не хочет беспокоиться о Брай и... твою ж мать, он забрызгал ободок унитаза. Он смотрит вниз, из пачки аккуратно сложенных экземпляров «Нэшнл джеографик» торчит листок А4 со словами «Марк Кленси, чья годовалая дочь Марта...». Он вытирает ободок унитаза и застегивает ширинку. Он знает это имя – непонятно откуда, но имя Марка Кленси ему знакомо. Он тянет за потертую серебристую цепочку, чтобы смыть за собой, и достает из журнала несколько скрепленных вместе страниц. Это статья с сайта Би-би-си. Малышка на фото улыбается в камеру. Он читает заголовок «Смерть Марты не должна быть напрасной».

Эш снова хватается за раковину. Марк. Марк Кленси... И тут размытые воспоминания фокусируются в яркое пятно. Он раньше работал с Марком. Да... Марк был менеджером по

проектам в «Шварце», швейцарской компании, в которой Эш был партнером, до того как ушел и начал свой бизнес. Он вспоминает славного парня, надежного, трудолюбивого, который шел по жизни с улыбкой и не подозревал о надвигавшейся трагедии. Статья короткая, несколько сотен слов, но каждое из них, и это ясно даже при беглом просмотре, – маленькое взрывное устройство, начиненное болью и сожалением. Беззвучный вопль пронзает его насквозь. Он видит ангельское личико Марты и ощущает, насколько ужасающе легким был ее гробик. Он сильнее сжимает край раковины, и вдруг дверная ручка начинает трястись и поворачиваться вправо и влево.

– Папа! Папочка, что ты там делаешь?

Со скоростью падающего камня он возвращается в сияющую белую ванную и одним молниеносным движением открывает дверь. Альба не успевает даже взвизгнуть, когда он подхватывает ее на руки и крепко прижимает к себе.

– Я люблю тебя, Альба, я очень сильно тебя люблю!

Каким-то образом Альба понимает, что она ему нужна. Она обвивает руками его шею и, будто он плюшевый медвежонок, которого нужно успокоить, произносит слова, которые слышала уже столько раз:

– Все в *поладке*, любимый. Я здесь, я *лядом*.

6 июля 2019 года

– Привет, дорогая.

Короткая седая борода Джеральда приклеилась к его лицу, как маленький зверек. На нем одна из его неизменных ярких жилеток, сегодня желтая, а в руках мягкая фетровая шляпа. Он осторожно целует пухлыми губами Брай в обе щеки и говорит:

– Я видел, как этот негодник, твой муж, заходил сюда с целым ящиком чудесного сансера.

– Он и большая часть ящика ждут тебя в саду, – отвечает Брай, на что Джеральд сжимает ее запястья и драматично поднимает указательный палец к губам, одновременно указывая на своего партнера Криса, который дожидается очереди поздороваться.

Крис примерно на десять лет моложе Джеральда. Он пахнет теплом и дорогим парфюмом с древесными нотами. Целуя Брай в щеку, он говорит:

– Чудесно выглядишь, Брай.

Она пожимает его руку. Брай чувствует себя чрезвычайно непривлекательной. Все утро она ощущала внизу живота противную тупую боль и знает, что это может означать только одно.

Из кухни в прихожую входит Джек, и Джеральд с громким возгласом «Рыжие пожаловали!» раскрывает объятия, позволив Брай ускользнуть вверх по лестнице. Сколько Брай помнит, Элизабет всегда держала тампоны в ванной – в косметичке под раковиной.

Она тяжело опускается на унитаз. Да, она не ошиблась. Трусы придется выкинуть, и какого черта она надела сегодня белое платье? Эш не знает, что Брай уже пару месяцев не пьет таблетки. Брай решила, что будет лучше, если она забеременеет «внезапно». Она не собиралась обсуждать с ним это, потому что не желала слышать, что он об этом думает. Она заранее знала, что он скажет: ему сорок семь, у него уже трое детей, четверо – это уже экологически и социально безответственно. Все аргументы Эша были логичными. А у Брай был только один эмоциональный аргумент. Как было бы славно, если бы у Альбы был братик или сестренка, настоящие, а не эти два мрачных сводных брата, которые до сих пор смотрят на нее так, словно она украла у них отца.

«Все нормально, – уверяет она себя, – по крайней мере, можешь немного выпить. Расслабься, все нормально». Брай открывает глаза, делает глубокий вдох, заворачивает трусы в туалетную бумагу и засовывает их поглубже в мусорную корзину. Она забирает еще несколько тампонов. Во время последней еженедельной поездки в магазин она их не купила – потому что, как говорится, мыслить надо позитивно. Когда она встает, чтобы вымыть руки, ее взгляд натывается на фото хорошенькой малышки, как будто какая-то гребаная высшая сила подложила его туда для смеха.

«Отлично», – бормочет она, беря в руки статью. Она читает заголовок и тут же чувствует себя эгоистичной засранкой, поглощенной своей мелкой потерей. Слезы наворачиваются на глаза, когда она смотрит на пухленькое личико Марты с ямочками на щеках. У Брай нет времени читать статью, ей нужно возвращаться к остальным. Она мельком просматривает список фактов о менингите, и слезы высыхают. Нет-нет, Би-би-си должны давать более проверенные данные, а не эту чушь. Из статьи следует, что Марта не умерла бы, если бы была привита, – но здесь не сказано, какой у нее был штамм. Она пытается вспомнить факты из книги «Скрытая правда о вакцинах», которую прислала ее мать Сара, когда Брай была беременна Альбой. Сара выделила для нее маркером целые абзацы, и в одном ярко-желтом пассаже говорилось о том, что прививка от менингита защищает только от одного типа бактерий. Так что, если бы Марта была привита, она все равно могла бы заболеть менингитом. Вот один из примеров спекулятивной журналистики, о которой Сара всегда твердила Брай.

Сквозь приоткрытое окно, выходящее в сад, в ванную доносится смех. Брай не стоит сейчас так заводиться из-за статьи. Она кладет листки на место, подходит к окну и осторожно

выглядывает наружу. Элизабет сидит за столом с этой мерзкой Шарлоттой. Видно, как той жарко и потно в узких джинсах и приталенном пиджаке в полоску. Даже отсюда Брай видит не сходящую с лица Шарлотты самодовольную улыбку, словно ей приходится постоянно сдерживать себя, только бы не расхохотаться над их убогой провинциальной жизнью. Элизабет оглядывается вокруг и подзывает Джека, который неохотно покидает группу смеющихся гостей возле барбекю, чтобы расцеловать и поприветствовать Шарлотту. Джейн, их пожилая соседка, ослепительно переливающаяся всеми оттенками синего, поменялась шляпами с Джеральдом. Он надел ее соломенную, украшенную пестрыми цветочками, а его фетровая лихо примостилась на ее седой голове. Альба помогает Эшу принести стул для Джейн, которая ревматически наклонилась к Альбе и что-то ей говорит. Все оборачиваются, когда появляются Роу и Лили. Элизабет смотрит на них и что-то шепчет Шарлотте, отчего та зажимает себе рукой рот и начинает трястись, не справляясь со смехом. Брай хмурится; Элизабет не должна вести себя как стерва.

Никому не приходит в голову посмотреть вверх и увидеть ее в окне. Она моет руки и смотрит из окна дальше, через стену, в сад дома номер восемь. С весны он превратился в настоящую чащу. Женщина, которую они видели в фургоне, стоит посреди сада и смотрит на заросли. На ней элегантный шелковый халат кораллового цвета. Похоже, когда-то она была блондинкой, но сейчас волосы у нее серебристые, собраны в большой пучок на макушке. На шее и руках поблескивают разноцветные экзотического вида украшения, и даже отсюда Брай видно, что выглядит их соседка великолепно. Женщина резко оборачивается, будто слышит какой-то звук, и из дома к ней выходит все тот же молодой красавец. У него копна кудрявых волос – таких, которые большинство людей с возрастом перестают отращивать и коротко подстригают. Он подвижен как щенок, у него широкие плечи и такая бронзовая кожа, что сразу ясно: солнце из года в год, слой за слоем наносило на нее загар. Женщина указывает на заросший сад, и молодой человек кивает ей, ни на секунду не сводя с нее глаз, затем она что-то говорит, и он начинает искренне смеяться. Женщина оглядывается на него – она улыбается тому, как он счастлив, – они смотрят друг на друга, и даже издалека Брай видно, как между ними пробегает искра.

Брай наклоняется ближе, так что от дыхания запотевают стекло.

Расстояние между ними сокращается, молодой человек подходит сзади к серебряной женщине. Брай кажется, что она сама спиной ощущает упругость и силу его мышц. Женщина нежно гладит его загорелые руки, обвившиеся вокруг ее талии. Она подставляет ему шею – приглашение и просьба, – и он медленно целует ее, заботливо и уверенно: он точно знает, что нужно делать.

Брай чувствует вспышку между ног.

Женщина поворачивается к нему и запускает пальцы в его волосы. Все еще улыбаясь, она опускает руку, берет его ладонь в свою. Уводя его прочь, в дом, она смотрит вверх, прямо на Брай, и улыбается.

* * *

– ...короче, вместо этого я везу ее в *реально* роскошное место в Корнуолле. В конце концов, у нее юбилей – сорок лет...

Брай уже десять минут вынуждена торчать с Шарлоттой на кухне, как в ловушке. Шарлотта носится вокруг и намеревается сделать собственную заправку для салата, игнорируя тот факт, что Элизабет уже все приготовила заранее. Оказывается, даже заправка может стать поводом для соревнования. Шарлотта – воплощение всего, от чего, как нравится думать Брай, они с Джеком спасли Элизабет. Шарлотта возглавляет отдел по работе с персоналом в большой корпорации, о которой Брай никогда не слышала. После развода живет в Челси с двумя детьми,

которые, просыпаясь по ночам, привыкли звать няню, а не маму. Брай пытается забыть о Шарлотте и вместо нее представить, что происходит сейчас по соседству, где белые ноги обвилились вокруг бронзового торса.

– Значит, и твой скоро наступит? – спрашивает Шарлотта, крепко закручивая крышку на банке с соусом, который она использует для заправки.

– Мой что, прости? – Брай неохотно поворачивается обратно к Шарлотте.

Та закатывает глаза.

– Твой день рождения, Брай. Сорок лет. Эш собирается закатить вечеринку? Я бы хотела прийти.

– А... я... Ну, я вообще-то не люблю вечеринки, так что...

– Что? – Шарлотта начинает трясти банку. – Ну ты и зануда! – восклицает она.

С тех пор как Брай вышла за Эша и неожиданно разбогатела, Шарлотта уделяет ей гораздо больше внимания, чем прежде. Иногда пишет ей сообщения, даже пригласила недавно на свой день рождения, но Брай решительно отказалась идти, несмотря на уговоры Элизабет.

Пока Шарлотта болтает о «грандиозной» вечеринке, викторианское стекло во входной двери дребезжит – кто-то незнакомый с этими старыми домами слишком сильно хлопает дверью.

Вот и повод сбежать.

– Прости, Шарлотта, я не знала, что мы ждем кого-то еще...

Брай быстро выходит в прихожую и видит женщину из соседнего дома. Полы ее шелкового халата развеваются, и она кажется невесомой, плывущей по воздуху.

– Здравствуйтесь, – говорит она, – я Розалин.

На мгновение Брай кажется, что она пришла, чтобы потребовать от нее не лезть в чужую жизнь и перестать за ней шпионить, но затем замечает в руках у Розалин бутылку красного вина. Она пришла на вечеринку.

– Меня пригласила Элизабет. Надеюсь, все в порядке?

Брай качает головой.

Прошу прощения, я что-то задумалась. Я... я Брайони. Брай.

– Нет... В смысле, да! Отлично!

Она протягивает Розалин руку. Та просто держит ее, не трясая вверх и вниз. От новой соседки исходит тепло, она наклоняется и целует Брай в обе щеки. Она пахнет лимоном и еще слегка – или Брай просто кажется? – будоражащим ароматом секса.

Все еще держа Брай за руку, Розалин спрашивает:

– Это не вас мы с Рэйфом видели в то утро, когда приехали на фургоне?

Розалин отпускает руку Брай.

– Ах да, простите, я не подошла поздороваться. Мне нужно было отвести дочку в школу – в дошкольную группу, ей только четыре, – так что мы немного спешили.

– Не переживайте! Мы тоже были поглощены своими делами.

Брай столько всего хотела бы спросить, но лишь произносит:

– Ну-у, да. Вы выглядели занятыми.

Розалин улыбается, а Брай краснеет. В этой женщине есть что-то притягательное, и Брай хочется узнать о ней все. Брай тянет к ней так глубоко и неуловимо, что невозможно описать это словами.

– Простите, Розалин, проходите, пожалуйста.

Брай показывает дорогу на кухню, где пунцовая Шарлотта все еще энергично трясет банку со своей заправкой для салата.

– Здравствуйтесь, – Шарлотта перекладывает банку в левую руку, чтобы протянуть Розалин правую. – Шарлотта.

Руку она держит жестко, пальцы вытянуты как солдаты по стойке «смирно», ноги напряжены и слегка расставлены.

Шарлотта вспыхивает от удивления, когда Розалин целует ее в обе щеки, улыбается и, глядя в глаза, говорит:

– Я Розалин. Мы недавно поселились в соседнем доме.

Шарлотта кивает так, будто она на деловом совещании, и это та самая новость, которую она хотела услышать от подчиненного.

– Вы живете в Фарли, Шарлотта?

Та фыркает и снова начинает трясти заправку.

– Слава богу, нет. Здесь для меня слишком тихо. Но я каждый год приезжаю на барбекю к Элизабет, правда, Брай? Мы старые школьные подружки.

Брай хочет уточнить, что Шарлотта имеет в виду себя и Элизабет, а не себя и Брай, но Розалин уже выходит в сад и знакомится с Джеральдом, который восклицает «Скульпторша!» и тут же начинает говорить на ломаном итальянском. Розалин смеется вместе с ним, будто он ее старый и близкий друг.

Внезапно раздается тонкий визг, а затем громкий плач, и Брай бросается в сад. Она по голосу понимает, что это не Альба, но ей нужно увидеть дочь, чтобы успокоиться. Она с облегчением выдыхает, когда видит, что Альба на другом конце сада ползает под старой скамейкой, притворяясь щенком.

Роу несется по лужайке с Лили на руках. Клемми бежит рядом, пытаясь объяснить, что произошло. Элизабет вскакивает из-за стола и устремляется к Роу и Лили, которая плачет, свернувшись калачиком на руках у мамы. Элизабет сперва смотрит на Клемми – как и Брай, ей нужно убедиться, что ее малышка в безопасности, – а затем на босую ногу Лили. Вопли Лили становятся громче, и Элизабет впереди всех бежит на кухню.

– Аптечка! – кричит Элизабет на всю кухню, вбегает в кладовку и через секунду возвращается с зеленой пластиковой коробкой, как будто собирается играть в доктора.

– Брай, можешь развести для Лили сироп из бузины и достать из холодильника меренгу? Сахар поможет справиться с шоком.

– Да, да, конечно.

Брай, довольная, что у нее есть дело, направляется к кухонному шкафчику за бутылочкой сиропа. Входит Роу с Лили на руках. Лили прячет лицо от всего мира, уткнувшись Роу в шею; Роу что-то шепчет ей на ухо и крепко прижимает ее ножку. Сквозь пальцы капает кровь. Элизабет указывает Роу на стул.

– Что случилось?

Брай не успела заметить, когда к ним присоединилась Розалин – за столом она вместе с Элизабет вскрывает пакетики с антибактериальными салфетками, она уже одна из них.

– Они играли в пиратов, – объясняет Роу. – Клемми оторвала от сарая кусок доски, чтобы они могли отправлять пленников на дно, и бедная Лили наступила на гвоздь – я не заметила, что он торчал в доске.

Лили вопит, когда Роу убирает руку с ноги. Брай гладит Лили по голове, а Элизабет, что-то успокаивающе приговаривая, начинает вытирать дрожащую ножку. Брай ощущает внезапный порыв единения с другими женщинами, такой момент материнской солидарности: одному из детей больно – и как будто больно всем их детям. Все остальное неважно; вместе они успокоят Лили и помогут ей.

Они быстро останавливают кровотечение; рана маленькая, но глубокая. Они тщательно обрабатывают ее, и Элизабет с помощью Розалин забинтовывает ногу. Элизабет убеждается, что Лили может пошевелить всеми пальцами, и девочка понемногу успокаивается настолько, что между всхлипами может пить сладкий напиток и грызть меренгу. Ее усаживают на диван

в детской с еще одной порцией меренги, подкладывают под ногу подушки, и Роу включает ей мультики. Клемми и Альба украдкой разделяют с ней угощение.

Вернувшись на кухню, Элизабет ставит чайник, и Розалин спрашивает у нее:

– Вы врач?

– Кто, я? – Элизабет притворяется удивленной, но Брай видит, что вопрос ей льстит. – Господи, нет, я жутко боюсь крови и вот этого всего.

– А по-моему, вы превосходно справились. Как профессионал.

Элизабет роется в кухонном шкафчике и достает заварочный чайник. Она старается не улыбаться.

– Она закончила столько курсов, что теперь, наверное, знает больше некоторых докторов, – вклинивается Брай. Элизабет скромно качает головой, хотя ее улыбка становится все шире.

– Слишком сильно сказано, – говорит она Брай, а затем вновь обращается к Розалин: – Мне пришлось пройти несколько курсов, вот и все.

И добавляет уже тише:

– Клемми в младенчестве была такой болезненной... Я хотела быть готовой, если дела пойдут совсем плохо. Часто так и случалось...

Роу возвращается из детской, и Элизабет поворачивается к ней:

– Я сделаю тебе чаю.

Роу с благодарностью улыбается, но качает головой:

– Спасибо, но я лучше выпью еще вина.

– О да, конечно, – помолчав, Элизабет выключает чайник. – Я просто подумала, что чай будет лучше, раз ты собираешься садиться за руль.

– А зачем мне за руль?

– Ну, отвезти Лили в больницу, сделать прививку от столбняка.

Элизабет говорит это как что-то очевидное, будто не может поверить, что должна объяснять. Роу отводит глаза, и в наступившей тишине Брай чувствует, как они снова отдаляются друг от друга.

– Она в порядке, Элизабет, ей не нужно в больницу, – говорит Роу, усаживаясь на один из старых дубовых стульев.

Брай передает Роу свой бокал с вином и чувствует на себе взгляд Элизабет, но не смотрит на нее. Элизабет вновь поворачивается к Роу и говорит, слегка прищуриив глаза:

– Ей нужно сделать укол против столбняка, Роу. Гвоздь, который проткнул ей ногу, был ржавый и очень старый.

– Элизабет... – мягко вмешивается Брай.

Элизабет переводит глаза на Розалин, ища поддержки, которую не видит от Брай. Но Розалин уже отошла в сторону.

– Если у нее появятся какие-то признаки лихорадки или инфекции, я сразу отвезу ее к Эмме, чтобы она дала Лили гомеопатические препараты.

Элизабет громко выдыхает.

– Люди все еще умирают от столбняка, – вполголоса говорит она.

Ответный взгляд Роу говорит Элизабет: «Заткнись».

– Столбняк не заразен, Элизабет, – говорит она сквозь зубы.

– Я знаю, что не заразен, – Элизабет говорит отрывисто, ее голос становится выше.

– Тогда что ты так распереживалась?

Элизабет качает головой, прежде чем ответить:

– Потому что – веришь ты или нет, Роу, – я забочусь не только о своих детях.

Брай встает из-за стола.

– Ну, все-все, это уже слишком. Элизабет, Роу, конечно же, будет внимательно следить за Лили. Малейший признак заражения – и они сразу поедут к доктору, так ведь, Роу?

Роу делает большой глоток вина и кивает, поднимая руку к небу для пушей убедительности.

– Господи, ну конечно! Я же всегда слежу за ее здоровьем!

К счастью, Роу в этот момент не видит, как скептически приподнимается бровь Элизабет, будто Роу – самая большая лицемерка, которую она видела. Брай кладет руку Роу на плечо, давая понять, что она не одна.

– Слушайте, дети вроде бы довольны, а я еще не доела свой великолепный бургер. Как насчет того, чтобы вернуться к еде? – Розалин говорит так, словно уже присутствовала при подобных сценах и привыкла обезвреживать гранаты, которые женщины швыряют друг в друга.

Наступает хрупкое перемирие. Роу обнимает Элизабет одной рукой и говорит:

– Спасибо за помощь, Элизабет, я очень тебе благодарна.

Элизабет тоже обнимает Роу:

– Без проблем, всегда готова помочь.

Брай замечает, как быстро они прерывают объятие и выходят в сад.

* * *

Брай делает себе бургер, берет вино и идет за тот конец стола, где сидит Розалин. Она садится на траву, недалеко от Розалин, занятой своим бургером. Если бы Брай сидела с Роу, она не стала бы брать мясо: препирательства испортили бы ей аппетит. Розалин улыбается, когда замечает Брай, и перекидывает ноги через скамейку, чтобы сидеть лицом к лицу. Брай виновато улыбается:

– Простите, там все вышло как-то напряженно.

Розалин пожимает плечами:

– Вам не нужно извиняться. Бедняжка Лили, ей было очень больно.

– Я насчет спора о том, ехать ли в больницу...

Розалин кивает. Она не могла не заметить этого напряжения, думает Брай, но выражение лица новой соседки остается безучастным. Брай, осмелев от вина, продолжает говорить.

– Просто у Роу и Элизабет разные точки зрения, понимаете, и иногда из-за этого возникают сложности.

– Сложности всегда возникают, когда у людей разные взгляды на воспитание детей. Я запомнила это с тех пор, как у моих друзей были маленькие дети.

– А, так у вас самой нет детей? – Брай пытается говорить беспечно, но у нее не выходит.

– Честно говоря, у меня никогда не было материнских амбиций, как у других женщин. Мне нравятся чужие дети, я обожаю своих племянников, но я никогда не видела себя в роли матери. Так что, когда мои друзья начали активно заводить детей, я уехала в Италию учиться скульптуре.

Розалин отправляет последний кусок бургера в рот и вытирает губы салфеткой.

Бургер Брай застывает на полпути между тарелкой и ртом.

– Вы учились скульптуре в Италии?

Розалин кивает.

– Да, а потом я влюбилась и не могла даже думать об отъезде, поэтому решила остаться и жила недалеко от Флоренции, девятнадцать лет...

Не закончив, Розалин поднимает голову вверх: за спиной у Брай появилась Роу.

– Привет, девочки, вы не против, если я к вам присоединюсь?

«Да еще как против!» – думает Брай, но Роу уже садится, и Брай вынуждена подвинуться, чтобы освободить ей место.

– Как Лили? – спрашивает Розалин, с неподдельной заботой склоняясь к Роу.

– О, она в порядке, очень довольна, что может посмотреть мультики: у нас дома нет телевизора, так что для нее это особое удовольствие, – сообщает она с заметной гордостью в голосе.

«Ага, а как насчет ваших трех айпадов?» – ехидно думает Брай.

– Я, правда, все еще на нервах от всего этого, – Роу озирается, нет ли поблизости Элизабет, и продолжает: – Что вообще Элизабет о себе возомнила? Вся эта ерунда про столбняк! Дичь какая-то. Фуу, Брай, ты что, ешь бургер?!

Роу делает такое лицо, словно от одного слова «бургер» у нее во рту возникает неприятный привкус. Она отодвигается от Брай, а та, стараясь подражать Розалин, не обращает внимания и откусывает еще. Но теперь, в присутствии Роу, мясо отдает кровью, будто оно еще живое. Она бросает оставшуюся половину бургера на тарелку и с трудом проглатывает последний кусок.

– Я вот о чем, – продолжает Роу. – Я знаю, что у нас с Элизабет разные взгляды, и я ее уважаю, серьезно, но я считаю, было бы круто, если бы она отвечала мне тем же и уважала мой выбор: не вкалывать моему ребенку вредные металлы и бесполезные токсины. Понимаете, о чем я?

Роу пристально смотрит на Розалин, которая опускает глаза на свой бокал, а затем говорит:

– Я, конечно, верю в принцип «мой ребенок – мой выбор», но...

– Да! Именно об этом я и говорю: мой ребенок – мой выбор.

Роу улыбается. Она переводит взгляд с Розалин на Брай и обратно:

– Знаете, Стив – это мой партнер – недавно прочитал статью о том, что собираются ввести обязательную прививку от ветряной оспы. От ветрянки, представляете? Это как? Она же вообще не опасна! Конечно, это все ради денег, фармацевтические компании зарабатывают на одной вакцине миллиарды долларов в год.

Громкий крик вырывается из маленького ротика и проносится через весь сад.

– Мама, мамочка! – кричит Альба.

Брай достаточно одного взгляда на свою извивающуюся дочь, чтобы понять, что та вот-вот опишется. Или это уже произошло. Она ищет глазами Эша, но тот занят – в очередной раз подливает всем вина.

– Уже иду, Альб! – кричит она в ответ и неохотно поднимается. Улыбается Розалин и на короткое мгновение испытывает вину за то, что завидует свободе этой немолодой женщины.

* * *

Роу увозит Лили домой, как только Элизабет заканчивает раскладывать меренги, ягоды и взбитые сливки. Элизабет не просит Роу остаться, а Роу не усердствует с прощальными благодарностями. Брай выносит несколько мисок с пудингом в сад – для Джеральда, Криса и Джейн, которые все еще сидят вместе за одним концом стола. Элизабет садится напротив Брай, рядом с Шарлоттой, а остальные как попало втискиваются за недостаточно большой стол. Брай приятно, что Розалин сидит близко. Все едят сладкое, и некоторое время стоит тишина. Затем Шарлотта обращается к Элизабет – слишком громко, чтобы это можно было принять за личный разговор:

– Что произошло на кухне, когда маленькая девочка поранила ногу? Я хотела зайти, но, судя по звукам, там было небезопасно.

Брай наблюдает, как ее подруга оглядывает присутствующих, проверяя, все ли здесь свои, и, убедившись, что она в безопасности, делает глоток вина и произносит тихим голосом, словно не должна была этого говорить:

- Роу – антипрививочница, она наотрез отказалась везти Лили на укол от столбняка.
- Да ладно! – восклицает Джейн, а остальные охают.
- Да-да, – Элизабет качает головой, – я пыталась поговорить с ней, но она уперлась и все. Эш под столом убирает руку с колена Брай.
- Так что же, Лили вообще не привита? – Шарлотта, как всегда, говорит слишком громко. Элизабет собирается ответить, когда Джек, тихий мирный Джек, перебивает свою жену.
- Нет-нет, они делали какие-то прививки, так ведь, Брай?

Лучше бы Джек не втягивал ее в это. Теперь все смотрят на нее и ждут, что она скажет.

– Лили заболела после одной из прививок, не помню после которой. У нее была очень высокая температура, и ничего не помогало. Тогда Роу обратилась за помощью к Эмме – это наш местный гомеопат, – поясняет Брай для Розалин. – Эмма посоветовала ей белладонну, и наутро Лили стало лучше, так что теперь они с опаской относятся к прививкам, но да, мне кажется, большинство из них у Лил есть. Очень вкусная меренга, Элизабет, это из той новой...

Но Элизабет перебивает ее, будто не слышит похвалу:

– Брай, ты забыла упомянуть, что всезнающий Стив прочитал пару постов в соцсетях и решил, что знает больше, чем миллионы экспертов, использующие информацию сотни лет научных исследований.

– Да ладно тебе, Элизабет! Дело же не в...

Но Шарлотта говорит громче, чем Брай:

– Простите, но в моем понимании все, кто не прививает своих детей, – чертовы идиоты и совершенно не заботятся о своей семье. Гигиена и обязательная вакцинация – это единственный путь прогресса, если вам интересно мое мнение.

– Да кому оно интересно, – говорит Брай, но так тихо, что ее слышит только Эш.

За другим концом стола Джейн, повернувшись к Джеральду и Крису, говорит:

– Крис, ты, наверное, слишком молод, чтобы помнить полиомиелит, но мы с Джеральдом знаем, как это было ужасно. В этом проблема молодых – они не помнят...

Брай не слышит продолжения, потому что снова вступает Элизабет:

– Конечно, я бы хотела, чтобы Клем была привита, но наш терапевт, доктор Паркер, сказал, что это слишком рискованно. Вы знаете, он не оставлял практики до семидесяти пяти лет. Сейчас таких великолепных врачей не осталось. Мы доверяли ему во всем, так ведь, Джек?

Джек кивает:

– Да, полностью.

Эш опирается на стол, чтобы встать. Брай чувствует, как от него исходит тяжелый и приторный запах вина, когда он шепчет ей на ухо: «Уже поздно. Пойду соберу Альбу, хорошо?»

Элизабет говорит, не обращая ни к кому конкретно:

– Проблема с антипрививочниками в том, что все они помешаны на теории заговора. Они не лучше, чем эти чокнутые плоскоземельщики. Пожалуй, даже хуже – плоскоземельщики, по крайней мере, не подвергают наших детей опасности.

– Нам пора, – Брай встает чересчур резко, едва не опрокинув тарелку. – Альбе уже пора спать.

Брай посылает всем воздушный поцелуй и обнимает Элизабет, которая тихонько говорит ей на ухо: «Я тебе недавно отправила письмо, прочти его, когда будет время». Уходя, Брай в последний раз бросает взгляд на Розалин и понимает, что та была единственным человеком, кроме Эша, кто не сказал ни слова.

– Серьезно? – укоризненно говорит Брай, когда Эш открывает еще одну бутылку красного. Альба уснула, и они остались на кухне вдвоем.

Эш не обращает внимания, и Брай понимает, что слишком устала, чтобы спорить. Эш потирает лоб, прежде чем заговорить:

– Брай, сегодняшний вечер – это было сплошное мучение.

– Я не хочу обсуждать это сейчас, Эш, ты пьян.

Брай не отказалась бы выпить еще вина, но она должна подавать пример. И она наливает себе воды. Эш не унимается:

– Я не могу больше врать нашим друзьям, Брай, просто не могу.

– Да не вру я им!

– Два года назад она стояла прямо здесь, в этой кухне, и ты сознательно дала ей поверить, что Альба привита.

Брай прекрасно понимает, о чем он говорит. Элизабет пришла выпить кофе и обсудить ремонт в доме Эша и Брай и увидела письмо от врача с напоминанием о прививках Альбы. Она опустила одну руку на письмо, а другую прижала к груди и сказала:

– Какое облегчение, что вы поступаете правильно, Брай. Какое облегчение.

Брай открыла было рот, чтобы ответить, но Элизабет уже пустилась в рассказ о небольшой стычке у школьных ворот с участием родителя, сомневавшегося в необходимости вакцинации, и Брай промолчала. Это было несложно; в конце концов, она уже давно стала профи в сокрытии неудобных эпизодов своей жизни.

Эш делает глоток вина:

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но ведь ты никогда не говорила своей лучшей подруге, что Альба не привита.

– Не смей выставять меня плохой! Ты даже не пытаешься что-то понять! Элизабет – моя лучшая подруга, она знает, что случилось с моим братом, знает, что из-за вакцины он никогда не сможет говорить, и она *никогда* не спрашивала меня напрямую, прививаемся мы или нет. Думаешь, почему?

– Потому что она думает, что мы прививаемся. Потому что считает нас разумными и ответственными родителями.

– Чуть собачья. Она не спрашивает, потому что в курсе, что мы не прививаем Альбу. И не будем.

– Эй-эй! Прости, но это *ты* ее не прививаешь. Меня вообще никто не спрашивал – я же, блин, всего лишь ее отец!

– Хватит, я сейчас не буду с тобой ничего обсуждать: ты пьян и не можешь разумно мыслить.

– Да пошла ты. Лучше проверь свою почту.

Брай закрывает за собой дверь в спальню. Эш поспит сегодня в гостевой комнате. Он так часто спит там в последнее время, что Альба на днях назвала ее «папиной комнатой». Брай падает на кровать и открывает письмо от Элизабет. Она читает его, потом перечитывает, а затем швыряет телефон через всю комнату и тут же хочет, чтобы он опять оказался у нее в руке, чтобы она могла снова и снова кидать его в окно, смотреть, как трескается и разбивается стекло и как разлетается на кусочки ее жизнь.

Суд графства Фарли Декабрь 2019 года

– Мой ребенок – мой выбор, мой ребенок – мой выбор!

Слова отдаются в груди, как бой барабана. Каждый раз, когда я скандирую их, они обретают дополнительную мощь и убедительность. Стоящая рядом со мной Софи берет меня за руку. Ее глаза полны слез, но она продолжает размахивать плакатом, к которому прикреплено фото ее сына Себа, а внизу написаны даты его невероятно короткой жизни: 13 мая 2017 года – 8 июня 2018 года. Себ умер через неделю после прививки КПК. В свидетельстве о смерти указано: «синдром внезапной младенческой смерти», но это ложь. Настоящая причина: «смерть от вакцины», как и написано на плакате Софи. Я держу ее за руку. Она называет меня «сестрой по оружию». Я улыбаюсь и сжимаю ее руку.

Вчера в новостях показали фотографию милой девочки в больнице. У меня защемило сердце, но я испытала и злость: где фотографии Себа и сотен других детей и семей, ставших жертвами вакцин? Фил, основатель движения «Свободы от вакцин», отправил нашей группе сообщение в чате после того, как увидел это фото. Сейчас нас уже больше сотни, и каждый день Фил добавляет новых людей. Он написал, что история повторяется: мы – храброе меньшинство, которое прокладывает путь к лучшему будущему. Подумайте обо всех храбрецах, которые сражались против рабства, о суффражистках и всяких активистах – разве над ними не смеялись, не называли тупыми, опасными и заблуждающимися, как и нас? Мы – творцы нового этапа истории, искатели истины; мы – Давид, поднявшийся против Голиафа. Вот что сказал Фил.

Слышатся возгласы, когда рядом с нашей группой останавливается черная машина и двое полицейских протискиваются к обочине. Они вытягивают руки, чтобы мы не подходили слишком близко. Вчера один из новых членов группы бросил в отца той девочки яйцо, попал ему в руку. Фил сказал нам, что это не должно повториться, а новенький пробормотал, что бросил бы чего похуже – что-нибудь ядовитое, – если бы смог достать. Я чувствую облегчение, что сегодня он не с нами.

Мы начинаем кричать громче, когда родители маленькой девочки проходят мимо. Они не смотрят по сторонам, только вперед. Лица у них худые, серые, ничего общего с фотографиями здоровой радостной семьи, которые тиражирует пресса. Как только мать и отец исчезают внутри, Фил встает на перевернутое ведро, рядом с ним его дети в футболках «Жить или умереть – решать родителям». Он вскидывает кулак вверх и отбивает новый ритм – «Свободу от прививок! Свободу от прививок!» Софи отпускает мою руку, чтобы поднимать свою в такт с Филом, скандировать вместе с ним. Интересно, Фил – тоже ее «брат по оружию»? Надеюсь, что так. Тогда и мы с ним были бы братом и сестрой. Я начинаю любить свою новую семью.

10 июля 2019 года

По дороге в дом-интернат «Рябины», где живет ее дядя Мэтти, Альба смотрит в окно машины. Сегодня Мэтти исполняется сорок два, и Альба, которая очень серьезно относится к дням рождения, надела пышную голубую балетную пачку, шерстяные колготки в разноцветную полоску и маску Бэтмена, которая раньше принадлежала Брэну, сыну Эша.

«Супергерой в поисках самовыражения», – сказал Эш утром, целуя Альбу на прощание. Брай и Эш не поцеловались. После барбекю они не разговаривали друг с другом, за исключением того неприятного диалога за кофе, пока Альба была занята раскраской.

– Ты прочитала письмо Элизабет? – спросил Эш.

– Да, я прочитала ее гребаное письмо.

Вот и все, что было сказано на этот счет.

Брай чувствует облегчение от того, что сегодня Эш не едет с ними навещать ее старшего брата. Они вместе ездили к Мэтти лишь однажды, еще до свадьбы. Больше Брай не предлагала Эшу присоединиться. Одного визита было достаточно, чтобы понять: ей куда больнее видеть, как Эшу неловко и страшно рядом с Мэтти, чем держать их на расстоянии друг от друга, как актеров, у которых в пьесе нет ни одной общей сцены. С Элизабет то же самое – ее лучшая подруга никогда не видела ее брата. Несколько лет назад Элизабет спросила, может ли она встретиться с ним, и Брай решительно пресекла эту попытку, так что больше Элизабет и не спрашивала. Элизабет пару раз виделась с родителями Брай – на свадьбе Брай и Эша и на крестинах Альбы, – когда все старались вести себя как подобает и говорить только о хорошем (например, о любви и детях), а не о чем-то взрывоопасном. Для Брай единственный способ сохранять мир – это держать Элизабет и свою мать подальше друг от друга.

Эш, вероятно, испытывавший вину за то, что вел себя как пьяный придурак, или за то, что не поехал с ними сегодня, в последние дни взял на себя большую часть забот о дочери – рвался купать ее и укладывать спать, одевал по утрам, настаивал, чтобы Брай чаще ходила на йогу и обедала с друзьями.

– У дяди Мэтти нету жены или мужа.

По дороге Альба притворяется, что сообщает Брай новые факты, но на самом деле задает утверждающие вопросы, чтобы побольше узнать о своем странном дяде.

– Нету, – соглашается Брай, притормаживая на кольцевой развязке.

– Дядя Мэтти должен жить в больнице, чтобы о нем заботились и давали специальные *лекарства*.

Брай смотрит в зеркало заднего обзора на дочь, которая повернулась к матери в ожидании ответа – правды.

– Ну, это не совсем больница. Это специальный дом, где люди, такие как дядя Мэтти, живут вместе.

Альба с понимающим видом кивает и помахивает руками в воздухе, добавляя:

– И они все *друзья*.

Брай улыбается дочери в зеркало и говорит:

– Да, дорогая, они все друзья.

Говорить неправду всегда легко, когда речь идет о Мэтти. Вместе с родителями и младшей сестрой Джесси Брай всю жизнь притворяется, будто она верит, что ее брат, у которого крайняя степень аутизма и который совсем не говорит, в порядке и даже по-своему счастлив. Но его непробиваемое молчание – загадка для Брай и трагедия для ее родителей. Она поняла, что единственный способ немного облегчить их страдания – это притворяться, что все в порядке. Этим они все и занимаются.

Мэтти живет в интернате с шестнадцати лет, после того случая, когда он при помощи подушки пытался заставить Джесси, которой тогда было шесть, перестать плакать. Джесси тогда чуть не умерла, и социальная служба предложила Саре, их маме, выбор: либо Мэтти назначают специальный уход, либо ее дочерей отправляют в приемные семьи. Как сказала Сара, выбора у нее не было.

Социальные службы не знали, что четырнадцатилетняя Брай уже давно размышляла, как бы избавиться от брата. К Брай никто никогда не приходил в гости, потому что Мэтти страдал жутким недержанием, а Сара не надевала на него подгузники, потому что считала это унижительным. Брай не могла допустить такого позора, чтобы кто-то из ее друзей обнаружил теплое дерьмо на полу в их прихожей; травля в школе усилилась бы тысячекратно. Кроме всего прочего, для Мэтти было обычным делом засунуть руки в штаны и мастурбировать, если ему приспичило, – не важно, где они все при этом были, в супермаркете или дома за столом. Насилие тоже было проблемой. Мэтти начинал размахивать руками и молотить кулаками, если кто-то нарушал порядок или правила, которые были ведомы только ему. Руки Сары всегда были в синяках. Но все это было мелочью по сравнению с тем, что Брай постоянно ощущала: родители были прежде всего *его* родителями, и уж только потом – ее. Никто не скандировал ее имя на соревнованиях по нетболу и не аплодировал ей на школьных спектаклях. С девяти лет она сама ездила в школу на автобусе, потому что Мэтти ненавидел все, у чего были колеса; по той же причине они никогда не ездили вместе в отпуск. Брай казалось, что вся ее семья была недееспособной. За всю жизнь старший брат не сказал Брай ни слова, ни разу не обнял и не рассмешил ее. Она знала, *знала*, что это не его вина, но все равно ужасно хотела, чтобы он был другим.

* * *

Въехав на парковку, Брай замечает родителей, которые сидят в своем двадцатилетнем «Фольксвагене-Гольф». Она чувствует, как в животе у нее все сжимается и холодным камнем опускается вниз. Пока она паркуется, родители выходят из машины. Папа держит свою деревянную палку, а также два наполненных гелием шара – с цифрой 4 и с цифрой 2 – и коробку, завернутую в блестящую синюю бумагу. Мэтти нравится все блестящее. Сара по случаю праздника нарядилась и надела светло-серое хлопчатобумажное платье. Она поправляет на шее ярко-красный шарф и с широкой улыбкой разводит в стороны руки, чтобы обнять старшую дочь и внучку.

– Привет, милая.

Брай обнимает Сару, от нее пахнет дымом и чем-то сладким. Брай ощущает напряжение, сковывающее худое тело Сары. Это постоянное пульсирующее напряжение всегда там. Сорок два года борьбы со своей виной, сорок два года самоотверженной мучительной любви. Альба тут же забирается дедушке на руки и выдергивает один из шариков из его большой руки.

– Дай.

– Хм-м, а волшебное слово? – Брай кладет дочери на плечо руку, чтобы уgomонить ее.

– Ай, мам! – восклицает Альба, сбрасывая руку Брай со своего неожиданно чувствительного плеча, в то время как Брай целует отца в морщинистую щеку.

– Привет, пап.

Дэвиду, отцу Брай, семьдесят четыре, он все еще работает бухгалтером на полставки. Брай знает: родители переживают о том, что станет с Мэтти после их смерти. Ей нужно будет поговорить с Эшем, набраться храбрости и попросить его взять на себя расходы, связанные с Мэтти, – ведь ее отцу пора на пенсию. Сара берет дочь за руку и, выдохнув, спрашивает:

– Ну что, готовы?

Брай улыбается, сжимает руку матери и отвечает:

– Да, мы очень ждали встречи с ним, правда, Альба?
К осадочной породе их лжи добавляется еще один слой.

* * *

Виктория, одна из сиделок Мэтти, встречает их возле комнаты для посетителей, где Мэтти уже сидит, скрючившись в кресле. На подлокотниках видны следы укусов. Пряди темных волос торчат из-под защитного шлема, который надевают на Мэтти, чтобы он себя не покалечил.

– Игроки в регби носят такие же, – с гордостью сообщает Виктория.

Она улыбается Мэтти, который раскачивается взад и вперед и, кажется, смотрит во все стороны, но только не на свою семью. Альба ерзает на колене у Дэвида, Брай усаживается на кушетку между родителями, снова чувствуя себя четырнадцатилетней.

– С днем рождения, дорогой, – говорит Сара.

Брай видит, что матери не терпится погладить Мэтти по плечу, но Сара знает: еще слишком рано, это напугает его. Поэтому она складывает руки на груди, чтобы не размахивать ими.

По дедушкиному наущению Альба предлагает Мэтти один из шариков.

– *Делжи*, – говорит она, протягивая к нему пухлую ручку.

Мэтти в недоумении смотрит на нее пустым взглядом. Он не обращает внимания на шарик, который тихо стучается о потолок, и начинает кричать и колотить кулаком по шлему. Альба прячется на коленях у матери. Сара машинально подается вперед, чтобы помочь, но Виктория уже успокоила Мэтти, вручив ему цифровой радиоприемник, на котором он полностью сосредотачивается, высунув язык и довольно ворча. Следующие двадцать минут Сара, Дэвид и Брай изо всех сил стараются непринужденно болтать.

– А что происходило в это время сорок два года назад, а, Сара? Мы уже приехали в больницу? – спрашивает Дэвид.

За этим предсказуемо следует вечный спор о том, какой ребенок родился в какое время суток. Брай, как всегда, старается весело улыбаться, но у нее словно гиря на сердце.

– Нет-нет, это была Брай, а не Мэтти, она родилась в три часа ночи, вот почему она до сих пор сова, – говорит Сара, улыбаясь тому, как хорошо она знает свою дочь.

Брай и не думает ее поправлять: она уже много месяцев не ложится позже двенадцати.

В какой-то момент Альба придвигается к Мэтти, который выпрямил руку и положил ее на подлокотник кресла. Она смотрит ему в лицо и спрашивает:

– Хочешь *поделжаться* за *луки*, дядя Мэтти?

Но прежде, чем Альба успевает ухватиться пухлой ручкой за крупную ладонь своего дяди, Брай вскакивает и оттаскивает дочь в сторону. Она слишком хорошо знает, как резко Мэтти может сорваться.

Вскоре Альбе становится скучно, и она начинает рыбкой извиваться у Брай на коленях. Дэвид уводит ее на поиски тарелок, салфеток и ножа для праздничного торта, который Сара испекла вчера вечером. Виктория наклоняется к Мэтти и спрашивает:

– Мэтью, мама сейчас причешет тебя, правда, здорово?

Она медленно снимает с него шлем. Мэтти не отрывает глаз от радио, делая вид, что ничего не происходит. Когда его спрашивают во второй раз, он все же дергает пальцем в направлении собственной макушки – иного одобрения Саре и не нужно. Она медленно достает из сумочки детскую расческу с мягкими щетинками и аккуратно придвигается к сыну. Волосы у Мэтти длинные, до плеч, – их не стригут коротко, потому что процедура причесывания его успокаивает. У него такие же шелковистые каштановые волосы, как у Брай, Джесси и Альбы, – единственный намек на родство. Когда Сара мягко кладет заботливую материнскую руку на голову сыну, она улыбается ему так, словно любить его – это самое простое на свете. Брай

задумывается: стала бы она, *смогла* бы она так же беззаветно заботиться о дочери, если бы Альба утратила все, что делает ее Альбой? Ответ – «я не знаю» – пугает едва ли не больше, чем гипотетический вопрос.

Так они и сидят втроем, в молчании. Брай и Сара наблюдают, как расческа плавно скользит по волосам Мэтти, придавая им блеск, в то время как лицо Мэтти не выражает ничего. Несколько минут он остается спокоен, и Сара поворачивается к Брай, чтобы вполголоса спросить:

– Ты уже говорила с Джесси?

Брай кладет ногу на ногу и скрещивает руки на груди.

– Да, мам, но недолго, я не хотела ее грузить.

– Она сказала, приходили ли уже письма из приемной врача? Они станут на нее давить, если она до сих пор не записалась на прием.

Сара умудряется говорить мягко, продолжая ритмичные движения, чтобы не потревожить Мэтти. Неужели она спланировала весь этот разговор?

– Давай поговорим об этом позже, мама...

– Нет-нет, дорогая, нужно обсудить это сейчас, Альба и папа скоро вернуться.

Сара закончила причесывать Мэтти, и он снова возится с радио. Иногда Брай завидует его отрешенности. Сара поворачивается к Брай.

– Она не хочет говорить со мной об этом, Брай. Она моложе тебя и не понимает, насколько это важно, не понимает, почему я не могу просто сидеть и молчать. Я не могу и не буду подвергать риску своих внуков, я не позволю, чтобы вы прошли через то же, что и мы с папой.

«Не только вы с папой», – думает Брай, но ей тут же становится стыдно.

– Она ведь так не сделает, Брай? Скажи мне, что она не поведет Коко на уколы.

Сара, как и подружки Брай Эмма и Роу, предпочитает более агрессивное слово «укол», а не «прививка» или «вакцинация».

Брай нечем обнадежить мать, поэтому она просто обнимает ее. Она знает, что часть ее матери навсегда осталась в лете 1978 года, когда Мэтти, здоровому шустрому мальшу тринадцати месяцев от роду, сделали прививку от кори, и часть ее сына умерла. Сара выскальзывает из объятий; она не из тех, кого можно задобрить таким образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.